

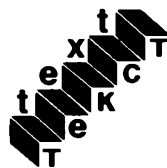
Аркадий
Ковельман
ТАЛМУД,
ПЛАТОН
И СИЯНИЕ
СЛАВЫ

ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АРКАДИЙ КОВЕЛЬМАН

ТАЛМУД, ПЛАТОН И
СИЯНИЕ СЛАВЫ

{книжники}

Москва, 2011

УДК 296.18:801.7
ББК 86.33+86.3(0)
К56

Редактор Елена Калло, Галина Зеленина
Корректор Виктория Рябцева
Верстка Евгении Гавриловой
Ответственный за выпуск Яков Ратнер

Оформление серии Андрея Бондаренко

Издательство благодарит Давида Розенсона
за участие в разработке этой серии

Ковельман, Аркадий

К56 Талмуд, Платон и Сияние Славы. — М. : Книжники ;
Текст, — 2011. — 176 с. — (Чейсовская коллекция).

ISBN 978-5-9953-0154-7 («Книжники»)

ISBN 978-5-7516-0920-7 («Текст»)

Книга представляет собой сборник эссе, раскрывающих смысл и характер классических еврейских текстов на фоне философии (от Платона до Деррида), поэзии (от Гете и Пушкина до Мандельштама и Пастернака) и эллинистической еврейской экзегезы (Филон Александрийский и т. п.). В основе книги лежит историко-культурное исследование (анализ и сравнение древних текстов, выявление источников современных текстов), которое ведет к вполне оригинальным научным выводам. В то же время стиль книги и ее композиция продолжают традиции еврейской литературы поздней античности (Талмуда в первую очередь). Автор пытается приблизить Талмуд к читателю, сделать его элементом современного художественного мышления.

Книга адресована русскоязычному читателю с широким интересом к философии, истории, религии и поэзии.

Автор книги — Аркадий Бенционович Ковельман, доктор исторических наук, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки МГУ, автор ряда монографий и сборников статей, в том числе: Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта (М., Наука, 1988), *Between Alexandria and Jerusalem: The Dynamic of Jewish and Hellenistic Culture* (Leiden and Boston: Brill, 2005), Эллинизм и еврейская культура (Москва-Иерусалим: Мосты культуры, 2007).

УДК 296.18:801.7
ББК 86.33+86.3(0)

© Аркадий Ковельман, текст, 2011

© «Книжники», издание на русском языке, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Античный мир и иудаизм:

<i>интервью вместо предисловия</i>	7
Бегство рабби Меира	13
С точки зрения египтян	21
Бессонница	27
Утешение	33
Начало прекрасной эпохи	40
Датан и Авирам мертвы	46
Музыка сфер	52
Ученик	57
Домик в Коломне	62
Дальше — Ницше	69
Как писать эссе?	77
За столиком ночного кафе	83
В поисках смысла	90
Пир	97
Тримальхион	104
Пьяный силен	111
Миф	117
Сестры	124
Радость	131
Египетские ночи	137
Надежда	145
Венецианский маскарад	151
Пролог	158
Эпилог	164
<i>Библиография</i>	170
<i>Наименование библейских книг</i>	172

*Первому читателю этих эссе —
моей жене Инне*

Текст является текстом только тогда, когда он скрывает от первого взгляда, от первого попавшегося, закон своего построения и правило своей игры.

Ж. Деррида. Диссеминация

АНТИЧНЫЙ МИР И ИУДАИЗМ: ИНТЕРВЬЮ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— Еврейский Бог, в отличие, скажем, от богов греческих, существовал вне категорий времени и пространства. Древнееврейский взгляд на мир включал в себя понятия непрерывности процесса изменения мира, приближения его к идеальному, задуманному Создателем... Вряд ли греки могли верить в возможность исправления мира путем соблюдения заповедей? Как осознавались в древности евреями и греками важные отличия их философий, мировоззрения, находили ли они точки схождения, и вообще, требовала ли этого повседневная жизнь Ойкумены?

— Я не думаю, что еврейский Бог существовал вне категорий времени и пространства. Скорее Он был больше этих категорий (Бог — Место вселенной, а не вселенная — место Бога). Но Он активно действовал во времени и в пространстве. Наоборот, античные боги были совершенно равнодушны ко времени, да и пространством не очень интересовались. Верили ли греки в возможность исправления мира? Смотря какие греки. Стоики повора-

чивались к миру (то есть толпе) спиной, а киники (циники) — задницей. Но Платон строчил проекты построения идеального общества, управляемого философами. Есть даже безумная теория происхождения алахи от Законов Платона. Автор этой теории — немецкий историк Байер, ставший израильским историком Бером.

Как осознавались греками и евреями отличия их мировоззрений? Смотря какие евреи. Утонченные евреи Александрии одобряли и изучали Платона, который, по их словам, был учеником Моисея. А Моисея они отождествляли с легендарным певцом Мусеем. Напротив, мудрецы Талмуда категорически запретили греческую мудрость. Из философов они знали только киника Эномая из Гадары, благо он жил по соседству. Из поэтов — только Гомера. Греческих книг не читали, считая излишним отвлекаться от Торы. Александрийский еврей Филон называл своих оппонентов «местечковыми». По-гречески житель местечка — микрополит, в отличие от гражданина мира — космополита (каковым Филон считал себя). Местечковый еврей смотрит в Тору и не видит в ней категорий Платона, а Филон, естественно, — видит.

В огне погромов и восстаний (в I—II веках) погибли и местечковые, и утонченные (все четыре сына Пасхальной агады). Когда рассеялся дым, оказалось, что выжившие утонченные перешли в христианство, которое им и наследовало. Церковь сохранила трактаты Филона (посмертно объявленного христианином). Местечковые же евреи создали Устную Тору (Мишну, Талмуд и многое другое). Они создали ее в маленьких городах и больших деревнях Галилеи (на севере Земли Израиля) и в соседнем Вавилоне. Вавилоном по традиции называли Южный

Ирак, где евреи жили со времен Вавилонского пленения. Устная Тора не говорила на имперских языках — греческом, латинском, персидском. Она изъяснялась на иврите и арамейском. Да и эти языки были замусорены словами из персидского, латинского и греческого, так что получался почти что жаргон, «идиш» поздней античности. Жаргона этого не понимали евреи, жившие в Италии, Испании, Британии, Греции. Они-то говорили на латинском и греческом, хотя и не были шибко образованы. Устная Тора оказалась запертой в местечке. Только арабы вывели ее на простор большого мира, отвоевав этот мир у византийцев и персов. Талмуд воцарился тогда от Багдада до Кордовы, проник за Пиренеи.

— **«Сатирикон» и агада ровесники. Помимо «смехового», «неприличного» и фольклорного, что еще сближает античный роман с агадой?**

— Местечковость. И дело даже не в том, что герои «Сатирикона» и «Золотого осла» путешествуют по маленьким городам Италии и Фессалии, а герои агады живут в маленьких городах Галилеи. Они все, или почти все, — маленькие люди. Рабы и вольноотпущенники (иногда богатые), крестьяне и ремесленники, проститутки и воры, софисты и ученые рабби. И события у них мелкие, анекдотические. Какой-то слуга какого-то неизвестного человека пошел и привел на пир Бар-Камцу вместо Камцы. Какой-то ученик плотника (тоже безымянный) обманул своего хозяина, увел у него жену, а его самого превратил в собственного слугу. И из-за слез плотника, которые тот ронял в кувшин, подавая вино жене и ученику, из-за обиды выгнанного с пира Бар-Камцы был разрушен Иерусалим, сожжен Храм, а евреи рассеяны по лицу

земли. Даже царь Давид становится в агаде ученым рабби, живет в доме с садом, сбегает по ступенькам, услышав шум в кроне деревьев, падает и умирает. И агада, и роман смотрят на мир с лупой в руках, видят его мелкие и невидные подробности. Подробности эти, конечно, смешны и часто неприличны, но ровно так и можно увидеть мир через лупу. Здесь нет грандиозных полотен Библии или Фукидида, Иосифа Флавия или Вергилия. Здесь нет и философской грандиозности Платона и Филона. Но тот, кто погубит одного из этих мелких, невидных людей, уничтожит целый мир (Тора вменит ему уничтожение целого мира в вину).

— **Какую роль в средиземноморском бассейне играла грекоязычная еврейская культура? И действительно ли разгром еврейской общины в Александрии в 115 году ознаменовал ее конец?**

— Какую роль? Никакую. По крайней мере, до рождения христианства. Образованные язычники Тору не читали, в том числе и по-гречески, а необразованные читали только неприличные надписи на стенах и счета в лавках. Правда, были прозелиты, те, кто падал в объятия иудаизма и становился евреем. Но за пределами этого круга грекоязычные еврей-интеллектуалы не находили отклика. Коллеги-философы искренне презирали их. Я думаю, что именно стремление разорвать узкий круг вдохновляло евреев, ставших отцами христианства (Павла в первую очередь). Уже в наши дни (почти что в наши) Пастернак отчаивался: его читали только «загнанные евреи»! А ведь он хотел пройти «умы и земли, чтоб преданьем в вечность пасть», чтобы «каждый тополь у порога» знал его в лицо. А тут опять эти местечковые!

Христианство все изменило. Оно выросло из эллинистического иудаизма (с примесью учения фарисеев, конечно). И ненависть к местечковым евреям оно унаследовало от эллинистического иудаизма, хотя бы отчасти. Ведь эти местечковые евреи так и не научились читать Тору аллегорически, то есть видеть в ней идеи Платона и предсказания рождения и казни Иисуса. Ничего, что сам Иисус — типичный местечковый еврей, сын плотника. Христианство подняло его до ранга Логоса, мирового разума, главной из платоновских идей.

— В своей книге «Эллинизм и еврейская культура» вы пишете: «Ученая женщина — невероятность в патриархальной культуре талмудического периода. Более того, это невероятность страшная и раздражающая». А вообще насколько могла быть образованна еврейская женщина в античном мире?

— А почему бы и нет? «Одна матрона» — типичный персонаж Талмуда. И вовсе не всегда это язычница. Богатые и знатные женщины жертвовали на синагоги, управляли огромными хозяйствами. Конечно, в Галилее таких было немного, но на просторах империи — достаточно. Поздняя античность — время, когда женщина впервые в истории начала эмансипироваться. Наследие этой эмансипации — *гет*, разводное письмо. Мудрецы допустили его ради мира и спокойствия. Свобода развода — дело невиданное прежде. Но и права жены в эпоху Талмуда были защищены брачным контрактом, который ограничивал эту свободу. Никто не мог развестись с женой, не заплатив оговоренную сумму. Образованная женщина в богатой семье — не чудо. А простые (местечковые) женщины усердно посещали проповеди, особенно если

проповедник был такой, как рабби Меир. Так что мужья ревновали и выгоняли этих жен из дома.

Женщина — особый случай маленького человека в Талмуде. Она не учится, но собирает сыновей в школу, достает деньги мужу, ждет (месяцами!) его возвращения из ешивы. На ее трудах и слезах вырастают великие рабби. Недавно я прочел мемуары Арона Яковлевича Гуревича («История историка»). Он был великим рабби наших дней, не зная ни Мишны, ни Талмуда. И конечно, его жена — жена рабби, так она описана в мемуарах. На этой сентиментальной ноте позвольте мне закончить свой текст.

Март 2008.

Беседу вел Афанасий Мамедов

БЕГСТВО РАББИ МЕИРА

С девяностых годов, как с детских лет, забытая свобода эссе. Род графоманской надутости вдохновением. Позволено ли вдохновение тому, кто не творит из ничего? Ведь приходится творить из чего-то, даже не творить, а находить, связывать, узнавать — рабство историка. «Не сотвори» — заповедь историка, ведь надо оставить прошлое таким, каким оно было на самом деле, поняв, как оно было на самом деле. И надо ссылаться на «документы», перебирая трясущимися пальцами одну ссылку за другой, чтобы сложить их в «подвал» внизу страницы. Не удастся ли в эссе подпрыгнуть на месте, перевернуться в воздухе, повиснуть на роящихся в голове обрывках умных чужих мыслей, так что и документы не понадобятся? Этакое «эссе-мортале».

Чужие мысли превращаются в «документы», услужливо давая дорогу. И не заметишь, как станешь из историка историографом, денщиком

живых и усопших коллег. Посередине плотно забитого «документами» пространства необходимо найти некую пустоту, оставляющую свободу для манипуляций с собственным рассудком, который только и может поместиться в этой пустоте. Испуг в пустой комнате — последнее прибежище. Тем более что и история поспешает, создавая мощные мотивы испуга, сотрясая снаружи наспех сооруженную башню.

Наконец Веспасиан выступил к Птолемаиде, где его встретили жители Сепфориса — единственные в Галилее, кто помышлял о мире. В заботе о собственном спасении и хорошо осознавая силу римлян, они еще до прибытия Веспасиана принесли Цезеннию Галлу доказательства своей верности, обменялись взаимными обязательствами и приняли в свой город римский гарнизон; теперь же они оказали восторженный прием главнокомандующему и предложили ему свою помощь в войне с собственными соотечественниками. В ответ на их просьбы Веспасиан дал им для защиты конные и пешие силы, достаточные, по его мнению, для отражения любой вылазки евреев. Он считал, что успех всего будущего похода окажется под угрозой, если будет потерян Сепфорис, самый большой из городов Галилеи, по своему расположению подходящий как для отражения нападений противника, так и для поддержания спокойствия по всей области.

О Сепфорис-Ципори, город предателей и мудрецов! Ты спасся от бедствий Иудейской войны, чтобы осенило тебя Божественное присутствие и основал в тебе свой двор рабби Йеуда Князь, потомок погибшего в той войне рабби Шимона, главного фарисейского законоучителя. Времена изменились, и римляне благоволили к рабби Йеуде. Он владел поместьями, возглавлял Сангедрин и назначал судей. Он издал и узаконил Мишну. Рабби Меир и рабби Натан пытались потеснить отца рабби Йеуды, входившего в силу, но потерпели поражение. А потому в Мишне вместо рабби Меира упоминаются «другие».

Иерусалимский Талмуд (Бейца, 5:2) донес до нас странную историю. Йеуда Князь женил своего сына. В Римской империи аплодировали на свадьбах. Но эта свадьба была в субботу, а потому гости аплодировали тыльной стороной рук. Рабби Меиру (не приглашенному на свадьбу) и такие аплодисменты показались нарушением Алахи. Он проходил мимо и, услышав хлопки, сказал: «Господа! Разве суббота отменена?» Услышал Йеуда Князь и воскликнул: «Это кто явился в нашем доме нас стыдить?» Услышал рабби Меир и пустился в бегство. Гости выскочили и один за другим погнались за ним. Раздул ветер чалму на рабби Меире и обнажил ему шею. Выглянул Йеуда Князь из окна, увидел шею рабби Меира и сказал: «Потому лишь удостоился я знания Торы, что видел шею рабби Меира сзади». А Вавилонский Талмуд (Эрувин, 13б) передает слова его так: «Я мыслю яснее своих товари-

щей потому, что видел рабби Меира со спины, а если бы созерцал лик его, то мыслил бы еще яснее, ибо сказано: «Да будут глаза твои видеть учителя твоего» (Йешаяу, 30:20). Иерусалимский Талмуд завершает рассказ словами рабби Йоханана и рабби Шимона бен Лакиша: «Потому лишь удостоились мы знания Торы, что видели пальцы рабби Йеуды Князя, выглядывающие из его сандалий».

По мнению Раши, Йеуда Князь сидел в ряду позади рабби Меира, когда учился, а потому и видел его со спины. Хорошо. Но почему он из-за этого поумнел? И почему он поумнел бы еще более, если бы видел лицо рабби Меира? Сангедрин напоминал «пол-амбара», то есть греческий театр, поточную аудиторию. Младшие сидели наверху, старшие внизу. Вероятно, рабби Меир был старше, а рабби Йеуда — моложе. Если бы все обстояло наоборот, рабби Йеуда все равно не видел бы рабби Меира в лицо. Разве что вертелся бы на месте и смотрел назад.

К объяснению приходим кружным путем. Еще до того, как разгорелся пожар Иудейской войны, жил в Александрии еврейский мудрец, которого звали греческим именем Филон. Это имя много веков спустя итальянский еврей Азарья ди Росси перевел на еврейский язык как «Едидья» — «Любящий (или Возлюбленный) Бога». Филон любил Бога и Тору, которую он читал и толковал по-гречески. В Торе Господь говорит Моше: «Вот место у Меня, стань на этой скале. И вот, когда проходить будет Слава Моя, помещу Я тебя в рас-

селине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И, когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видно» (Шмот, 33:22-23). Почему же не будет видно лицо Господа? «Ты видеть Моего лица не можешь, ибо человек не может видеть Меня и остаться в живых» (Шмот, 33:20). Только со спины, сзади.

Филон толкует это место в Торе платонически: человек не может видеть истинное Бытие, которое и есть Бог. Мифы Платона о колеснице и пещере свидетельствуют о трудности предприятия. От Бытия исходит сияние, невыносимое для людских глаз. Но отражение Бытия человек видит и так восходит к частичному познанию. Можно увидеть тень Бытия — материальные предметы. То есть увидеть Бытие сзади, со спины.

Вспомним теперь, что «Меир» — это «Свящийся», «Сияющий». И в Вавилонском Талмуде сказано: «Не рабби Меир имя его, а рабби Негорай. Зачем же звали его рабби Меир? Затем, что он просвещал (*меир*) в Алахе глаза мудрецов. И не Негорай имя его, а рабби Нехемья, другие же говорят, что звали его рабби Эльзар бен Арах. Зачем же называли его рабби Негорай? Затем, что он просветлял (*мангир*) в Алахе глаза мудрецов». Конечно, Йеуда Князь мыслил яснее своих товарищей, потому что видел рабби Меира со спины, а если бы созерцал лик его, то мыслил бы еще яснее. Но видеть его в лицо он не мог: мешало сияние!

А при чем же здесь чалма рабби Меира, которую раздул ветер? И здесь мы находим световую

символику. Когда Моше сходил с горы Синай, от лица его исходили лучи света. На лицо свое Моше налагал покрывало, ибо сыны Израилевы боялись подойти к нему (Шмот, 34:29-35). Разве не напоминает чалма рабби Меира покрывало Моисея? Ведь и она загораживает сияние истины: Йеуда Князь знает Тору, потому что видит непокрытую шею рабби Меира. По-гречески и по-латыни Меир — Лукий, Луций («Сияющий», «Световой»). А его жена Брурья по-гречески — Фотида («Светлая», «Сияющая»). Читавшие «Метаморфозы» Апулея немедленно узнают эту светносную парочку. «В этой паре мы имеем две одинаковые солнечные сущности <...>», — писала О. М. Фрейденберг о Луции и Фотиде в своей знаменитой работе «Въезд в Иерусалим на осле».

По улицам Сепфориса бежит рабби Меир, за которым гонятся слуги Йеуды Князя с палками. Он бежит мимо амфитеатра, где ставят фарсы и выступают риторы, мимо виллы Диониса и виллы Орфея. Мозаика с ликом Галилейской Моны Лизы подглядывает за ним из виллы Диониса. Ему не привыкать бежать.

Когда римляне казнили рабби Ханину бен Терадиона, они заключили дочь рабби Ханины в бордель. Дочь эта была невесткой рабби Меира, сестрой его жены Брурьи. Рабби Меир подкупил охранника и выкрал родственницу. Тогда «выгра-

вировали изображение рабби Меира на воротах Рима и сказали, что каждый, кто узнает его в лицо, должен доставить его». Рабби Меира опознали, погнались за ним, и он укрылся в борделе. Тут случилась совсем удивительная история. По одной из версий, рабби увидел, как язычники стряпают, окунул в пищу палец, а другой палец облизал (то есть показалось, что он ест некошерную пищу, а на самом деле этого не было). По другой версии, в борделе очутился пророк Элияу, принявший облик проститутки. Он обнял рабби Меира. Преследователи воскликнули: «Это не рабби Меир, он не стал бы так поступать». Не стал бы рабби Меир есть некошерную пищу, не стал бы обниматься с непотребной девкой. Так же рассуждала и проститутка, когда пришел к ней учитель рабби Меира, рабби Элиша бен Авуя. «Не ты ли Элиша бен Авуя?» — спросила она его. Выдернул он из земли редьку (в субботу!) и дал ей. И она назвала его Ахер («Другой»). Так рабби Меир избавился от погони, а его учитель снял с себя иго Торы.

Рассказы о рабби Меире можно длить до бесконечности. Но это будет «дурная бесконечность», которая утомит читателя. А исследование утомит исследователя. Бытие тускнеет и меркнет, уже не слепит глаза, прячется, как серая кошка в темной комнате. Схемы и концепции съедают страницы, как моль съедает платье. Неокантианцы пытаются поймать бытие в сетку «категорий культуры». Экзистенциалисты ощупывают его «экзистенциалами». Сам изобретатель экзистенциалов Мартин

Хайдеггер в начале тридцатых годов удалился от концептуальности в поэтический пифийский сумрак, где бытие сокрыто и явлено, вопрошаемо и не дает ответа. И так он пытался превозмочь убийство бытия в процессе познания, вивисекцию жизни под скальпелем ученого.

Нет проблем с познанием настоящего и прошлого, кроме одной: мы не знаем, зачем мы познаем. Настоящее нам чуждо, прошлое враждебно, будущее нас пугает. А познание Бытия с большой буквы давно снято с повестки дня за непознаваемостью. Истина не слепит глаза, разве что глаукома сужает угол обзора. Мне могут возразить французской поговоркой: «говорите за себя». А я и говорю за себя, ведь я пишу эссе.

С точки зрения египтян

Представьте себе, что вы египтянин и живете в Египте. В стране, которая вся — райский сад. А рядом с вами живут евреи. Они построили виллы на протоках Нила, занимаются бизнесом и служат при дворе. Они дышат здоровым египетским воздухом. И каждую весну справляют Песах. Возлежат на обеденных ложах в триклиниях, пьют вино и вспоминают смерть египетских первенцев. Они радуются гибели царя египетского, его колесниц и войска его. Они отмечают Исход из Египта в Египте.

Наверняка у вас как египтянина будет своя версия пасхальной истории. Например, вы скажете, что евреи ушли из Египта не по своей воле. Их просто выгнали. Некогда царь Аменофис решил очистить страну от увечных и прокаженных. Он собрал их и отправил в каменоломни, но потом пожалел и дал для жилья заброшенный город Аварис. В этом городе прокаженные выбрали себе предво-

дителя — жреца по имени Осарсиф, который стал зваться Моше. Под его главенством прокаженные захватили Египет и тридцать лет оскверняли храмы и грабили страну. Фараон, получив предсказание о грядущих бедствиях, бежал со своим войском в Эфиопию. Через тридцать лет он вернулся, одержал над прокаженными победу и изгнал их вон. Так родилось нечестивое и безбожное племя евреев. Так совершился Исход.

Эту историю для просвещенных греков записал египетский жрец Манефон в третьем столетии до христианской эры. История приобрела популярность и испортила евреям репутацию. Их считали потомками прокаженных и поминали это при каждом удобном случае. Например, в правление Нерона в Кесарии Приморской, столице римской провинции Иудея, какой-то грек поставил у входа в синагогу дном кверху большой глиняный кувшин и начал приносить на нем в жертву птиц. «Это привело евреев в неопишемую ярость: законы их были осквернены и все место осквернено», — пишет Иосиф Флавий. Откуда такая ярость? Иосиф не сообщает, но мы догадываемся. Ведь сказано в Торе: «И сказал Господь Моше: “Вот закон о прокаженном, когда должно очистить его: да приведут его к священнику. И выйдет священник за стан, и, если увидит священник, что исцелилась язва проказы на прокаженном, то прикажет взять для очищаемого двух птиц живых чистых, кедрового дерева, червленую нить и иссопа. И прикажет священник зако-

лоть одну птицу над глиняным сосудом, над живою водою”» (Ваикра, 14:1-5).

С этого-то намека на родство евреев с прокаженными и началась Иудейская война. А закончилась она разрушением Иерусалима, сожжением Храма и рассеянием евреев по лицу земли.

Представьте себе, что вы — египетский грек. Или одесский грек. Вы живете в городе на берегу винно-чермного моря в доме стиля ампир с перистилем и росписью по стенам. И рядом с вами живут евреи. Они торгуют в районе порта близ дворца Птолемея, они заселили три городских квартала из пяти. Они ссужают ваших купцов под проценты, грабят бедных феллахов, которые тупы и сластолюбивы, но, как и вы, ненавидят евреев. Еврейский кукольный царь, Агриппа, внук Ирода, убийцы детей, явился в ваш город проездом из Рима в Иудею и ходит повсюду с важным видом в сопровождении расфуфыренной стражи. Тогда вы устраиваете легкое шоу, маленький водевиль. Ведь недаром вы подарили миру Эсхила и Аристофана. Вы ловите городского сумасшедшего по имени Карабас, надеваете ему на голову папирусный венец, а в руку даете папирусную трость и поклоняетесь ему со словами: «Радуйся, царь иудейский». Тут дела принимают неслыханный оборот. Египетская чернь врывается в синагоги и еврейские дома, евреи получают то, что они заслужили, — погром.

Представьте себе, что вы живете в египетской глубинке и занимаетесь самиздатом. Вы переписываете сценки допроса в Лукулловых садах, где судят александрийских граждан, философов и риторов. Судят за защиту родного города от евреев. Обвинитель — кукольный царь Агриппа. Судья — император Клавдий, козел и племянник козла. Его дядю, Тиберия, так и называли козлом, ведь он жил на Козлином острове (на Капри) и был падок до мальчиков и девочек. Обвиняемый — ритор Исидор. «Ради богов, — восклицает Клавдий, — не обвиняй моего друга Агриппу. Ведь ты уже погубил двух моих друзей — Теона и Невия, когда я еще не был императором». — «Мне приказал обвинять их в суде правивший тогда император, — отвечает Исидор. — Прикажи, и я обвиню кого ты пожелаешь. Что за дело тебе до Агриппы, двухкопеечного еврея?» — «Да ты наглец, Исидор, — говорит Клавдий, — ты сын гетеры». — «Я не раб и не сын гетеры, — отвечает Исидор, — а гимнасиарх славного города Александрии. Ты же — незаконный сын Саломеи, еврейки». — «Присуждаю Исидора к смерти», — говорит Клавдий.

И поскольку это самиздат и еще не изобрели Интернета, песок занесет клочки папируса на две тысячи лет, пока археологи их не откопают, а папирологи не издадут под уважительным заглавием «Протоколы александрийских мучеников». А в Александрии и в Одессе почти не осталось греков. Ветшают дома в стиле ампир, где жили когда-то греки, евреи и итальянцы. Произошел Исход.

Увы, Исход обратим, хотя трижды Тора запрещает возвращение. Как сказано у Гомера,

*Страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем
возвращаться в Египет.*

Мы думаем, что есть «мы» и есть другие. Но это не так. Нас окружают и нас ненавидят многие «мы». Со своими пророками, своей памятью и мудростью. И со своей точкой зрения. И надо надеяться, что есть еще точка зрения Бога, которая не всегда и не всем понятна. Она очень диалектична, эта точка зрения. Вот как ее толкует трактат «Сангедрин» (39б), говоря о гибели в Черном море фараона, его колесниц и войска его. Тогда воспели Моше и сыны Израилевы песнь Господу, песнь моря.

Сказал рабби Аха бен Ханина: «При погибели нечестивых — песнь радости» (Мишлей, 11:10) <...> А разве радуется Святой, благословен Он, при погибели нечестивых? <...> Сказал рабби Шмуэль бар Нахман со слов рабби Йонатана: «О чем это сказано: “Вошел в середину между станом Египетским и станом Израилевым, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь” (Шмот, 14:20)? В тот час хотели ангелы служения сказать песнь перед Святым, благословен Он. Сказал им Святой, благословен Он: Творения рук моих тонут в море, а вы

говорите песнь предо Мной?» Сказал рабби Йоси бар Ханина: «Господь не радуется, но другие радуются. Ведь также написано: “И как радовался Господь, делая вам добро и умножая вас, так обрадует Господь, погубляя вас и истребляя вас” (Дварим, 28:63). “Не будет радоваться”, но “обрадует”».

Представьте себе, что вы египтянин и живете в Египте.

БЕССОННИЦА

*Я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода.*

Б. Пастернак.
Второе рождение

Непонятно, что делать с философией. Она дисциплинирует ум (особенно ум историка). Но больше она не делает ничего. Она попросту не оправдывает ожиданий. Попробуйте почитать Деррида, Хайдеггера, а еще лучше — «Феноменологию духа» Гегеля. Вы ощутите радостное предчувствие надвигающейся истины, мгновенного раскрытия тайн. Но фокус редко удается, и тем менее удается — чем сильнее и круче замах, чем волшебнее стиль философа.

Может быть, причина разочарования — природная близость философии к поэзии и мифу. Сам философский Логос поэтичен, подобно голым конструкциям грандиозного здания. Как писал Мандельштам, «сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно и произвольно почитается содержанием. От этого ненужного почета Логос только проигрывает... Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма,

как музыка для символистов». В чем же красота Логоса? В загадочности, которая и рождает ощущение тайны. Но есть ли смысл позади красоты, по ту сторону бытия, за пределами текста?

«Мы спим полночи и полночи занимаемся Торой. Когда же мы встаем поутру, запахи поля и потоки вод освещают нам Тору, так что Тора утверждается в нас». Полночи меня мучает бессонница, и я читаю главную книгу каббалы, Зоар. Монотонное звучание арамейских глаголов, игра слов, где «потоки вод» — *наарей*, а «освещают» — *наарин*. Весь мир предстает одним огромным текстом. Зоар напоминает сразу и диалоги Платона, и книгу Сервантеса. Мудрецы путешествуют из деревни в деревню, останавливаются на постоялых дворах, отдыхают в тени деревьев и толкуют Тору. В дороге им встречаются странные существа — дети и простолюдины, знающие тайны Торы. Здесь философский Логос не у себя дома, здесь он гостит на постоялом дворе.

Греки считали сон братом смерти. Если додумать эту мысль до конца, то бессонница окажется сестрой жизни. Бессонница — почти что жизнь, жизнь, не способная выйти на улицу и действовать. Что заботишь ты меня, сестра моя жизнь? Написано: «Скажи мудрости, ты сестра моя» (Мишлей, 7:4). И еще сказано: «Скажи же, что ты сестра моя, дабы хорошо мне было ради тебя и дабы душа моя жива была через тебя» (Берешит, 12:13). Кем сказано? Аврамом, который потом стал зваться Авраам. Когда спускался Аврам в Еги-

пет, то сказал эти слова жене своей Сарай, которая потом стала зваться Сарой. Есть два смысла у этих слов. По простому смыслу, сказал так Аврам, потому что боялся, что египтяне отберут Сарай, а его самого убьют. По глубокому же смыслу, явленному в Зоаре, сказал Авраам эти слова *Шхине*, женской стороне Бога, десятой из *Сфирот*, называемой также Царством. И образ ее перекликается с Десятирицей из устного, тайного учения Платона, унаследованного неоплатониками. «Дабы хорошо мне было ради тебя, и дабы душа моя жива была через тебя», ведь *Шхина* ведет к жизни.

Если греки считали сон братом смерти, то рабби Ханина бар Ицхак называл сон «ослаблением», подобием смерти. Так, подобие пророчества — сновидение, а подобие будущего мира — суббота. А рабби Авин добавил: «Подобие горнего света — солнечный диск, подобие горней Премудрости — Тора» (Берешит раба, 17:5).

Бессонница — «ослабление» жизни и подобие мудрости. «Парки бабье лепетанье, спящей ночи трепетанье, жизни мышья беготня...» Бесмысленно думать ночью о жизни, об утраченном дне, но можно думать о текстах, которые заменяют и замещают жизнь. Вместо тайн жизни — тайны текста (по ту сторону текста, по ту сторону бытия) просвечиваются в полутьме. Например, можно угадать тайный источник одной истории. Ее явные источники известны — это Плач Ирмеяу (Эйха) и книга пророка Йоэля. О тайном же источнике надо поразмыслить. Рассказана эта история

в сборнике мидрашей «Эйха раба», то есть в позднеантичных толкованиях на книгу Эйха. Пророк Ирмеяу в Эйха (1:16) говорит: «Об этих я плачу». И история в Эйха раба должна поведать нам, о ком он плачет. Но имеющие глаза и уши узнают иной текст и вспомнят слова Песни Песней (Шира-ширим; 4:9; 8:1): «Пленила ты меня, сестра моя, невеста...» — «О, если бы ты был мне брат, сосавший грудь матери моей, встретила бы я тебя на улице, целовала бы тебя, и не срамили бы».

Вот случай с детьми первосвященника Цадока, мальчиком и девочкой, что попали в плен. Мальчик попал к одному легионеру, а девочка — к другому. Один легионер пошел к блуднице и отдал ей мальчика, другой пошел к кабатчику и отдал ему девочку за вино, дабы исполнилось прочитанное: «И отдавали мальчика за услуги блудницы, а девочку продавали за вино и пили» (Йоэль, 4:3). По прошествии дней пришла блудница к кабатчику и сказала ему: «Мальчик, который есть у меня, стоит девочки, что есть у тебя. Давай поженим их, а приплод поделим». Согласился кабатчик. Привели их и заперли в комнате. Начала девочка плакать. Сказал ей мальчик: «Почему ты плачешь?» Сказала ему: «Как же мне не плакать? Я, дочь первосвященника, стану женой раба?» Сказал ей: «Чья ты дочь?» Сказала ему: «Цадока, первосвященника». Сказал ей: «А где вы жили?» Сказала ему: «На Верхнем рынке». Сказал ей: «А какой знак был на том доме?» Сказала ему: «Такой-то знак». Сказал ей: «А были ли у тебя брат или сестра?» Сказала

ему: «Был у меня один брат, и была у него одна родинка на плече. И когда он приходил из школы, я открывала ее и целовала ее». Сказал ей: «Если ты увидишь эту родинку, узнаешь?» Сказала ему: «Да». Открыл он плечо, узнали они друг друга, обнимались и целовались, пока не отлетели их души. И Дух Святой вопиет и гласит: «Об этих я плачу» (Эйха, 1:16).

«Пленила ты меня, сестра моя, невеста...» — «О, если бы ты был мне брат, сосавший грудь матери моей, встретила бы я тебя на улице, целовала бы тебя, и не срамили бы». Дети Цадока, жених и невеста, брат и сестра, сосавшие грудь одной матери, целуют друг друга и умирают. Ведь этот мир, говорят нам мудрецы, — коридор на пути в палату, ночь перед рассветом. И есть знаки окончания ночи: «первая стража — кричит осел, вторая стража — лают псы, третья стража — младенец сосет материнскую грудь и шепчется женщина с мужем своим» (Брахот, 3а). Или сестра шепчется с братом своим. Младенец этот, конечно, — Машиах бен Давид, царь иудейский, которому предстоит родиться на исходе бессонной ночи. Мессия.

Кто же те брат и сестра, которым позволено целоваться и обниматься? Другой мидраш (из толкований на Шир а-ширим) говорит нам, что сестра жила в Гуш-Халаве (Гискале), а брат — в Мероне, неподалеку.

Вот случай с братом и сестрой. Он жил в Мероне, а она жила в Гуш-Халаве. Случился пожар в доме брата в Мероне. Сестра его пришла из Гуш-

Халава и начала обнимать его и целовать его, говоря: «Это не бесчестит меня, ведь брат мой был в беде и спасся!»

«Скажи Мудрости, ты сестра моя, и назови Разум родным» (Мишлей, 7:4). А о Мудрости (Хохма) и Разуме (Бина), каковы они и что скрывается за их именами, мы не будем здесь говорить.

УТЕШЕНИЕ

*Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна,
О Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна!*

О. Мандельштам.

10 января 1934

Меня преследуют две-три фразы рабби Меира. Рабби Меир был переписчиком Торы и тем зарабатывал на жизнь. В его экземпляре Торы нашли: вместо *тов меод* («хорошо весьма») — *тов мот* («хороша смерть») (Берешит раба, 9:5): «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (*тов меод*) — «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хороша смерть» (*тов мот*) (Берешит, 1:31). Слова, изреченные Богом на исходе шестого дня творения, обрели у рабби Меира убийственный смысл. Его (этот смысл) пытались «снять» мудрецы других поколений, перетолковывая слова знаменитого рабби. Толкования мудрецов остроумны и значительны. Но фраза осталась и мучает меня. А другая фраза была сказана рабби Меиром накануне смерти, настигшей его в римской провинции Азия: «Скажите сынам Земли Израиля, что вот мессия их». И даже так сказал рабби Меир: «Отнесите ложе мое на берег моря, ибо сказано

[о Земле Израиля]: “Он на морях основал ее и на реках утвердил ее”» (Теилим, 24:2). Так в Иерусалимском Талмуде, трактат Килаим (9:3).

За полтора столетия до того перерезал себе горло император Нерон со словами: «Какой артист погибает!» Он еще цитировал «Илиаду»: «Коне́й, стремительно скачущих, топот мне слух поражает». Тогда ожидали из Иудеи царя, который овладеет миром, займет место Нерона, ославленного именем Зверя и Ложного мессии (Антихриста). И действительно, из Иудеи вышел Веспасиан, усмиривший там еврейский бунт, и стал императором. Римский историк Тацит посмеялся над обманувшимися евреями, не понявшими предсказания. А в трактате Вавилонского Талмуда «Гитин» (56а) есть легенда: Нерон не умер, а бежал из-под стен Иерусалима и стал прозелитом. И из его потомков вышел рабби Меир — тот самый, который написал на свитке Торы «хороша смерть». Перед смертью же, по-видимому, назвал себя мессией и попросил отнести свое погребальное ложе к берегу моря. И эта фраза рабби Меира («Скажите сынам Земли Израиля, что вот мессия их») также преследует меня.

О потере Мессии есть много легенд. В Иерусалимском Талмуде, в трактате Брахот (2:4), сказано:

Один еврей пахал поле. Замычал его вол. Проходил мимо один араб и услышал мычание. Сказал: «Еврей, еврей! Отпусти своего вола, брось свой плуг,

ибо вот разрушен Храм». Замычал вол во второй раз. Сказал тот же араб: «Еврей, еврей! Привяжи своего вола, привяжи свой плуг, ибо вот родился царь-помазанник (*мелех а-Машиах*, Мессия)». Спросил у араба еврей: «А как его имя?» — «Менахем». — «А имя его отца?» — «Хизкия». — «А откуда он?» — «Из Вифлеема (Бейт-Лехема) Иудейского, из места царей». Пошел еврей, продал своего вола и продал свой плуг. Стал продавцом детской одежды. И ходил он из городка в городок, пока не дошел до того городка, и все женщины покупали у него. А мать Менахема не покупала. Услышала она крики женщин: «Мать Менахема, мать Менахема! Иди, купи своему сыну!» Сказала: «Я удушила бы его. В день, когда он родился, был разрушен Храм». Сказал ей тот еврей: «При чем здесь мальчик? Купи ему, а если нет у тебя денег сегодня, заплатишь мне потом, когда я опять приду». Пришел он вновь в этот городок. Сказал ей: «Как поживает мальчик?» Сказала ему: «После того как мы виделись, налетела буря, ветер вырвал его из моих рук».

Из «Иудейской войны» Иосифа Флавия мы знаем, как умер Менахем. Он был не сыном, а внуком Хизкии. Деда его, Хизкию, казнил Ирод, будущий царь. В ту пору Ирод был еще молод и правил Галилеей. Здесь он и столкнулся с Хизкией. Нам неизвестно, был ли Хизкия разбойником, как пишет Иосиф, или галилейским аристократом, который встал Ироду поперек дороги. Но Ирод, казнив его без суда и следствия, столкнулся в Иерусалиме с

большими неприятностями и чуть сам не попал под суд. Так что версия о знатном происхождении Хизкии более вероятна. Тем более что сын его, Йеуда, также вошел в историю. В Сепфорисе (Ципори) галилейском Йеуда после смерти Ирода «собрал значительное войско, ворвался в царский арсенал, вооружил сторонников и стал нападать на других искателей царской власти», то есть сам, вероятно, пожелал стать царем, помазанником (Мессией, *Машиахом*). Он же после отставки Архелая, сына Ирода, и превращения Иудеи в римскую провинцию основал партию zelотов, поднял восстание и погиб.

Менахем, сын Йеуды и внук Хизкии, в самом начале Иудейской войны захватил Масаду, явился в Иерусалим на помощь мятежникам, вышиб римлян из города, убил первосвященника, а затем вступил в Храм, «разодетый в царственные облачения», как и положено Мессии, царю-помазаннику. Но здесь его встретили заговорщики — другая партия мятежников во главе с Эльазаром. Менахем бежал, прятался, был найден и убит. Его сторонники, галилеяне, укрылись за стенами Масады, где и ожидали семь лет, пока римляне не пришли и не вынудили их к подвигу. Иерусалимский Талмуд (Хагига, 2:2) уверяет, что Менахем «вышел» в сопровождении восьмидесяти пар учеников мудрецов, облаченных в шелковые одежды, вышитые золотом. И лица их почернели, как стенки горшка. Вавилонский Талмуд (Сангедрин, 98б) подтверждает, что имя

Мессии — Менахем. Ибо «Менахем» значит «Утешитель». О нем в Плаче Иеремии (Эйха, 1:16) сказано: «Об этом плачу я; око мое, око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешитель (*менахем*), который оживил бы душу мою; дети мои разорены, потому что враг превозмог». В греческом переводе Плача Иеремии *менахем* (утешитель) — это *параклет*.

Что означает одежда свиты Менахема? К чему студентам, ученикам мудрецов, сияние шелка и золота, облачение римских нобилей? Мы узнаем об этом из рассказа Иосифа о смерти царя Агриппы, внука Ирода. Агриппа явился в театр

...в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отворачивать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: «Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой, как перед человеком, то теперь мы готовы признать, что ты по природе своей выше всякого смертного».

Вскоре Агриппа почувствовал сильнейшую боль и умер. Умер в назидание прочим претендентам на звание Мессии, Машиаха, который по природе своей выше всякого смертного. В назидание тем, кто надевает одежды из света.

Ведь одежды из света были даны Адаму и Еве. Откуда мы узнаем это? Из Торы, переписанной рабби Меиром. Он истолковал написанное в Торе (Берешит, 3:21): «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды из кожи (*катнот ор*) и одел их». Если букву *аин* в слове *ор* (кожа) заменить *алефом*, как сделал рабби Меир, то получится «одежды из света» вместо «одежды из кожи». Об этом мы читаем в «Берешит раба» (20:12): «Нашли в Торе р. Меира: Одежды из света (*катнот ор*) — это одежды Первого Адама, которые походили на лампаду: широкие снизу и узкие сверху». Свет же, конечно, — не свет Солнца и Луны, созданных на четвертый день творения, а горний свет первого дня творения, когда светил еще не было. Этот горний свет, будь он явлен, затмил бы Солнце и Луну. А потому он сокрыт и припасен для жизни праведников в Будущем мире, о чем и сказал пророк: «И будет свет Луны как свет Солнца, и свет Солнца станет семикратным, как свет семи дней» (Йешаяу, 30:26). Свет семи дней творения (Берешит раба, 3:6).

А если одежды Первого Адама — одежды из горнего света, сокрытого до прихода Мессии, а свет — это *ор* (через *алеф*), то облачен в них был сам рабби Меир. Ведь имя его содержит корень *ор* (через *алеф*) и означает «светоносный», «проливающий свет». И в Вавилонском Талмуде, в трактате «Эрувин» (13б), сказано: «Не рабби Меир имя его, а рабби Негорай. Зачем же звали его рабби Меир? Затем, что он просвещал (*меир*) в алахе глаза му-

дрецов. И не Негорай имя его, а рабби Нехемья, другие же говорят, что звали его рабби Эльзар бен Арах. Зачем же называли его рабби Негорай? Затем, что он просветлял (*мангир*) в алахе глаза мудрецов». (О смысле этого имени я писал в эссе «Бегство рабби Меира».) Теперь мы понимаем яснее: рабби не просто «просвещал», он был облачен в одежды из света, одежды Мессии. И умер мессия в римской провинции Азия и просил отнести себя на берег моря. И в Торе, переписанной его рукой, нашли слова: «хороша смерть». А то, что «звали его рабби Нехемья», также понятно, ведь «Нехемья» значит «Утешь, Бог». Где утешение, там и утешитель, Менахем.

В поисках разгадки, как в поисках утешения, я твержу слова мудреца. Его фразы преследуют меня. Я не знаю, где история прорывает паутину толкования, где дерзость личности нарушает правила игры, где смерть и жизнь теряют каждая свое жало.

НАЧАЛО ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

*Годами когда-нибудь в зале концертной
Мне Брамса сыграют, — тоской изойду.*

Б. Пастернак

Когда-нибудь я прочту длинное эссе Деррида «О почтовой открытке: от Сократа до Фрейда и не только». Пока что я признаюсь в неспособности к этому подвигу. Моих познаний во французском языке не хватит оценить бесконечную игру слов и смысла. А на русском читать неимоверно скучно. Хотя временами (при беглом просмотре) выскакивают картинки, впивающиеся в разум. Например, Сократ, склонившийся испуганно над листом бумаги и пишущий под диктовку своего сурового ученика Платона. Или дедушка Фрейд, наблюдающий за странной игрой внука «по ту сторону удовольствия». Или (в письме Деррида любимой от 3 июня 1977 года) мидраш о Вавилонской башне и смешении языков.

Я люблю все те ласковые слова, которыми называю тебя, и все-таки у нас есть как бы только одна губа, чтобы все высказать. С древнееврейского он переводит «язык», если это можно назвать переводом, как

губа. Они хотели возвыситься, чтобы их губа стала единственной во Вселенной. Вавель, отец, давший свое имя смешению, беспорядку, размножил губы, вот почему мы разделены, и в это мгновение я умираю от желания поцеловать тебя нашей губой, единственной, которую я не устану слушать.

Загадочный «он», который «переводит с древнееврейского», — это Натан Андре Шураки, алжирский еврей (как и сам Деррида), потомок раввинов и поэтов, изгнанных из Испании. Он переводит Библию как поэт (это даже нельзя назвать переводом), сохраняя этимологию, корни и значение слов. Язык на иврите — «губа» (*сафа*). Бог смешал «губу» всей земли. На этом Деррида строит мидраш. Разделены не «языки», но «губы» строителей Башни. Губы тянутся друг к другу, сливаются в поцелуе в одну губу, одна губа твердит ласковые слова. Через два тысячелетия история повторяется. Деррида, знаток греческого языка и латинского, но неуч в иврите, нуждается в Шураки, чтобы добраться до корней слов Торы. Так некогда Филон Александрийский, вооруженный списками с этимологией еврейских слов, на греческом языке творил свои толкования.

3 июня 1977 года. Конец века (*fin de siècle*) близок, но об этом никто не догадывается. В моде все французское. Французский философ Жак Деррида, не умеющий забыть свое алжирское детство, французский философ Поль Рикёр из старой протестантской семьи. Еще в моду входят мидраш и

феноменологическая герменевтика (и то и другое — методы толкования). Американские еврейские юноши и девушки сходят с ума (и сводят с ума своих наставников) от дикой смеси герменевтических и талмудических терминов. У Рикёра они находят толкование книги Иова: «Господь отвечал Иову из бури и сказал...» «Что же Он сказал?» — спрашивает Рикёр. «Ничего такого, что можно было бы воспринять как ответ на проблему оправдания Бога... Путь теодицеи закрыт...» (еще бы он не был закрыт после Освенцима!). Господь говорит Иову, и этого достаточно, считает Рикёр. В самом разговоре фундаментальная возможность утешения, а вовсе не в рождении новых детей взамен утраченных, не в мелком рогатом скоте и не в верблюдах, возмещенных праведнику. Утешение — в словах, в «губе», как сказал бы Деррида вслед за Шураки. Не только утешение, но и бытие может быть сведено к слову. К игре слов и искусству толкования, к феноменологической герменевтике.

Книга Иова — пробный камень для мастеров утешения. Вслед за друзьями Иова поэты и философы приходят к нему в дом. Иоганн Вольфганг Гете призывает бедного страдальца к оптимизму, извлечению выгоды из своего спасения, чтобы начать вечно бодрый круг жизни. Анри Бергсон учит Иова видеть в бедствиях не козни некоего демона, но органическую закономерность жизни. И только Рикёр предлагает Иову довольствоваться словами Бога и их толкованием. И это довольство словами (как и поиски «древнего слова») есть знак и

знамение той эпохи, второй «прекрасной эпохи» (Belle Époque), которая начиналась в июне 1977 года. Первая иссякла в 1914 году, вторая, кажется, еще идет как мыльная опера или уже закончилась, но мы забыли выключить телевизор и мирно спим под выпуск новостей.

3 июня 1977 года. В этом году вышла книга Аверинцева о ранневизантийской поэтике. Было бы странно, если бы Аверинцев признался в интересе к феноменологической герменевтике (и ее основателю Мартину Хайдеггеру). Еще удивительнее было бы, если бы он открыто писал о мидраше и Талмуде. И мидраш, и Хайдеггер были под запретом в той империи зла (в другой империи зла Хайдеггер был в чести, а Талмуд сжигали на площадях). А потому Аверинцев просто исследовал переживание бытия в истории (любимая тема Хайдеггера) и цитировал трактат Талмуда «Авода Зара» 17б-18а:

Через семь столетий после Иезекииля римские солдаты сжигали заживо одного ближневосточного книжника вместе со святыней его жизни — священным свитком. «Его ученики сказали ему: “Что ты видишь?” Он ответил: “Свиток сгорает, но буквы улетают прочь”».

«Один ближневосточный книжник» — это рабби Ханина бен Терадион (слова «еврейский книжник» не могли быть тогда написаны). Мой покойный дядя, Израиль Аронович Ковельман, один из

немногих заметил маленькую хитрость Аверинцева и сказал мне о ней. И с любви к книге Аверинцева, наверное, началась моя любовь к Талмуду.

В конце прекрасной эпохи убили моего дядю. Его пытали перед смертью, искали давно раздаренные николаевские рубли. Вырезали из рамы этюд головы старого еврея кисти Поленова, свернули в трубку. Краска посыпалась прочь с холста, как буквы с горящего свитка Торы.

Есть много способов понять и исследовать странное пристрастие постмодерна к мидрашу, к игре в слова, к слиянию филологии с философией. «Что означает это объяснение и это взаимное превосходение двух источников и двух исторических сказаний — еврейского и греческого?» — спрашивал Деррида о Левинасе. «Может быть, здесь предугадывается некий новый прорыв, некое странное сообщество, которое не будет спиральным возвращением александрийского сожительства? А если подумать о том, что Хайдеггер тоже желает открыть переход к древнему слову, которое, опираясь на философию, ведет ее за пределы или отступает от нее, то что же означает этот другой проход и это другое слово? И что в особенности означает затребованная поддержка философии, в которой они все еще ведут диалог?»

Спустя много лет можно ответить: прорыв состоялся на флангах, оставив центр в целостности и сохранности. Нет ни странного сообщества, ни даже возвращения александрийского еврейско-греческого сожительства. Просто культура в интермеццо опи-

сала очередной круг, на полях которого обосновался мидраш или то, что похоже на него. «Под чистый, как детство, немецкий мотив» вращаются в круге Деррида и Левинас, Хайдеггер и Фрейд, Ницше, Сократ и Платон. И сожженный римлянами рабби Ханина бен Терадион, и рабби Меир, муж Брурьи, дочери рабби Ханины, ныне допущены на сцену. А в зале исходят тоской профессора и студенты. История продолжается.

ДАТАН И АВИРАМ МЕРТВЫ

Этих двоих живьем проглотила земля за бунт и за фразу, обращенную к братьям Моше и Аарону: «А вы кто такие»?

И собрались против Моше и Аарона и сказали им: полно вам; все общество, все святы, и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня? (Бемидбар, 16:3).

Что-то в этом роде («а ты кто такой»?) Моше уже слышал. Когда он был совсем молодым человеком, египетским принцем, пошел он к братьям своим, присмотрелся к тяжким работам их, и вот — египтянин бьет еврея. «И оглянулся он туда и сюда и, видя, что нет никого, убил египтянина и спрятал его в песке». На другой день он увидел, как два еврея дерутся, и сказал неправому: «Зачем ты бьешь ближнего твоего?» И получил ответ: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не хо-

чешь ли убить меня, как убил египтянина?» (Шмот, 2:11-14). Иными словами, «а ты кто такой?». Перед нами *гзера шава* — толкование Торы по аналогии. Там (в книге Шмот) сказали Моше: «А ты кто такой?» и здесь (в книге Бемидбар) сказали Моше и Аарону: «А вы кто такие?» В Египте сказали Датан и Авирам, а в пустыне кто сказал? Конечно, один из этих двух! Датан был тот еврей, что дрался с Авирамом и дерзко ответил Моше. Впрочем, мудрецы повесили на Датана и Авирама всех собак: и жалобы в пустыне, и намерение вернуться в Египет, и запретное хранение манны, все они — Датан и Авирам! (Шмот раба, 1:29).

А как звали того еврея, которого бил египтянин? Конечно Датан! Ведь Моше «оглянулся туда и сюда», посмотрел по сторонам и убедился, что вокруг никого нет. Откуда же Датан знал, что Моше убил египтянина? Один свидетель там все же был: побитый еврей. И звали его Датан!

Как же дошли Датан и Авирам до жизни такой и до смерти такой? Мидраш начинает изда-лека: «За четыре заслуги израильтяне были спасены из Египта». Во-первых, они не поменяли свои имена. Кто был Реувеном, тот им и остался, а не стал Руфусом. Во-вторых, они не поменяли язык, не перешли с древнееврейского на древнеегипетский. В-третьих, не нашлось среди них доносчика: как набрали в долг у египтян, так и скрылись, не расплатившись. В-четвертых, никто из них не согрешил с египтянкой или египтянином. «Как же так?» — вопрошает мидраш, ведь сказано:

«И вышел сын израильтянки, он же сын египтянина» (Ваикра, 24:10-11). Значит, был грех! Случилось запретное соитие! И так случилось, что нельзя читать без смеха и слез.

Над евреями-стражниками были египтяне-надсмотрщики. Одному надсмотрщику понравилась жена некоего стражника. Рано утром, когда пошел стражник на работу, надсмотрщик вошел в его дом и лег в его постель, а жена приняла египтянина за мужа. Вернулся бедный муж и увидел, что надсмотрщик выходит из его дома. Понял египтянин, что еврей раскусил обман, и решил его извести. Погнал на работу в поле и начал бить его. Тут-то и случился Моше. Увидел он в Духе Святом и что было в доме у еврея, и что замышлял египтянин в поле. Рассмотрел дело со всех сторон — и со стороны прелюбодейния, и со стороны покушения на убийство. Вынес алахическое решение и казнил египтянина. Потому-то и написано: «И оглянулся он туда и сюда», рассмотрел дело внимательно, прежде чем казнить (Шмот раба, 1:28). Так и родился «сын израильтянки, он же сын египтянина». От жены бедного Датана родился, еврея-стражника. В «Декамероне» Боккаччо мы находим почти такую же историю: «Один конюх спит с женой короля Агилульфа». В темноте жена и не заметила, что это конюх, а не король. И отсюда последовали неприятности.

Наши мудрецы любили рассказывать анекдоты и с их помощью толковать Тору. Вот слова Давида: «И сделал я вретище одеждой своей, и стал

для них притчей. Говорят обо мне, сидя у ворот, песни насмешливые поют пьющие вино» (Теилим, 69:12-13). Рабби Абау учил в Кесарии Приморской, столице римской Палестины, городе язычников. Он истолковал псалом Давида так: это относится к язычникам, которые сидят в театрах и цирках. Когда они напьются, то спрашивают один другого: «Как долго ты хотел бы жить?» И отвечают: «Так долго, как еврей носит субботнюю рубашку!» (Эйха раба, 17). Конечно, если носить рубашку только по субботам, то ее надолго хватит. Зицпредседатель Фунт пришел наниматься в Черноморское отделение Арбатовской конторы по заготовке рогов и копыт, когда ему было девяносто лет. «Вы видите на мне эти брюки? — промолвил он после долгого молчания. — Это пасхальные брюки. Раньше я надевал их только на пасху, а теперь ношу их каждый день». Вот и Вечный Жид восемьсот лет носил штаны, купленные по случаю в Палестине у какого-то рыцаря. Так, по крайней мере, рассказывал Остап Бендер пассажирам литерного поезда в пустыне.

Как попал Остап в пустыню, где ждал его золотой теленок, мы не будем здесь говорить. В иной пустыне его предки уже поклонялись золотому тельцу. Папа Остапа был турецко-подданным, что и неудивительно. В конце XIX столетия власти Блистательной Порты заставляли евреев, желающих жить в Палестине, принимать турецкое подданство. Первые сионисты становились «потомками янычар», а некоторые из Палестины

возвращались назад, в Одессу, и там у них рождались дети. У Остапа был молочный брат (по лейтенанту Шмидту) — Шура Балаганов. Вот почти все, что известно о его семье. И был у Остапа достойный противник — гражданин Корейко. Фамилия Корейко звучит подозрительно знакомо. Уж не Корей ли это (он же — Корах), предводитель тех двоих, Датана и Авирама, что восстали на братьев Моше и Аарона в пустыне? И разве не пришлось Остапу подавлять бунт, когда из угла комнаты бросился на него Паниковский со словами «А ты кто такой?»: «Не переменяя позы и даже не повернув головы, великий комбинатор толчком собранного каучукового кулака вернул взбесившегося разрушителя конвенции на прежнее место...»

Этот эпизод жизни залит светом солнца, как отблеском порто-франко. В порту Александрии Египетской мы нашли извозчика. Мой сокурсник по истфаку, пассажир литерного парохода «Тарас Шевченко», взгромоздился на сиденье, прижимая к толстому брюху большой портфель. Кажется, он достиг наивысшего сходства со своим любимым персонажем, инженером Талмудовским из «Золотого тельца». Осталось только показать Александрии кукиш, сославшись на оклад жалованья, квартиру-свинюшник и т. п. Он и был инженером Талмудовским, бегущим по глобусу в поисках не оклада и клуба, а текстов и впечатлений. Зоопарк в Мельбурне и архив во Львове — оба годились. За этим бегом было удивительное ощущение внутренней свободы, собственного достоинства и

мужества — три качества, которых мне никогда не хватало. Сказывались, видимо, его кавказские корни. От впечатлений ему не нужно было ничего, кроме впечатлений. Он не хотел и не собирался их капитализировать. Разве что разменивать на новые впечатления, языки и визы. У Филона Александрийского есть рассказ о мудреце, который плачет перед смертью — не из страха, но из жалости к себе: он больше не сможет учиться! На поминках (обычай не еврейский, но соблюдаемый) сиделка рассказала о его предсмертном плаче, и я немедленно вспомнил тот древний рассказ. После смерти его место в поколении опустело. Место в пролетке извозчика. Так и слышатся его прощальные слова: «Плевал я на оклад! Я даром буду работать! Вы это крепостное право бросьте. Сами всюду пишут: “Свобода, равенство и братство”, а меня хотят заставить работать в этой крысиной норе».

МУЗЫКА СФЕР

*В пространстве, хором сфер объятom,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.*

И.-В. Гёте. Фауст. Пролог на небесах.

Перевод Б. Пастернака

На эту тему еще Аристотель спорил с пифагорейцами и с Платоном, доказывая, что планеты движутся вместе со своей средой (со сферами), а потому ни музыки, ни шума, ни скрипа не производят. Философу, чуждому мифу и вере (его так и звали Философом средневековые схоласты), была не слышна музыка сфер. Впрочем, и все остальные музыку сфер не слышали, хотя и верили в нее. Ведь, по мнению пифагорейцев, мы не можем различить созвучия именно из-за их непрерывного звучания. Слух привыкает к шуму и глохнет, становится равнодушен к симфонии планет. В Талмуде же мы встречаем иное соображение: круговорот Солнца не слышим, ибо днем один звук заглушает другой.

Учили наши мудрецы: «Если бы не кружение Солнца, был бы слышим голос римской толпы, и если бы не голос римской толпы, был бы слышим голос кружения Солнца». И еще учили наши мудрецы: «Три голоса проходят мир из конца в ко-

нец: голос кружения Солнца, голос римской толпы и голос души в час, когда та покидает тело». А некоторые говорят: «И голос в час родов» (Вавилонский Талмуд, Йома, 20б). Что имелось в виду: крик роженицы, плач младенца или плач души, покидающей горний мир для жизни земной и телесной? Мы не знаем.

Я задумал эти эссе как звук голоса, перевод опыта в лепет. В голосе созвучие не менее важно, чем логическое связывание. Наши мудрецы прекрасно знали силу созвучий, и потому Тора для них звучала. В Торе рабби Меира (а он был переписчиком Торы) нашли: вместо *тов меод* («хорошо весьма») — *тов мот* («хороша смерть»). «И увидел Бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма» (*тов меод*) — «и увидел Бог, что он создал, и вот, хороша смерть» (*тов мот*). Совпадение двух слов (*мот* и *меод*) рождает смысл, которого хватило бы на философский трактат.

Но нашли в Торе рабби Меира и другое. В книге пророка Йешаяу (21:11), где сказано: «пророчество о Думе», написано: «пророчество о Риме» (Иерусалимский Талмуд, Таанит, 1:1). Дума — аравийское племя, против которого говорил Йешаяу. И вовсе нет созвучия между Думой и Римом. Почему же рабби Меир заменил Думу Римом? Понять это можно, открыв греческий перевод Йешаяу, сохранивший древнюю традицию толкования. Вместо «Думы» там значится созвучная ей «Идумея». Идумея во времена античные — область к югу от Иудеи. Там жили идумеи, потомки Эдома или

Эсава, брата Яакова. Эсава называли Эдом («Красный»), ведь за красную чечевичную похлебку он продал свое первородство Яакову. И еще его называли Сеир («Волосатый»). Он был дик и волосат, а Яаков — гладок. Яакову пришлось по совету матери навязать себе на руки шкурки козлят, чтобы слепой Ицхак, ощупав эти руки, принял его за Эсава и обрушил на него свое отцовское благословение.

С тех пор пошла вражда между потомством Яакова — евреями и потомством Эсава — римлянами. Так, по крайней мере, считали современники рабби Меира. Трудно сказать, почему мудрецы произвели Рим от Эсава-Эдома. Может быть, в этом виновен римский ставленник Ирод, царь иудейский, идумей по крови. Недоумение слепого Ицхака разрешилось в свете такой генеалогии. «Голос — голос Яакова, а руки — руки Эсава», — говорил Ицхак, ощупывая руки сына (с навязанными на них козлиными шкурками) и слушая его голос. «Руки» — сказано о злодейском царстве, о Риме. Везде, где есть победа, — там римляне. «Голос» — сказано и о плаче, и о молитве Израиля. Где молитва восходит к небесам, там — евреи.

Рабби Меир истолковал пророчество о Думе как пророчество о Риме, потому что Дума созвучна Идумее, Эдому, а Эдом — это Рим. Пророчество Йешаяу — невнятное, смутное. Йешаяу прорицает гибель врагов Израиля — Тира, Моава, Вавилона. Но Думе он говорит: «Кричат мне с Сеира: Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?» Ночь делится на стражи, как день — на часы. Сторож

обходит свой квартал и громко кричит: «Первая стража! Вторая стража! Третья стража!» И зачем-то кто-то кричит с Сеира, зовет сторожа, спрашивает его, сколько осталось ждать до утра («Сколько [осталось] ночи?»). Если же пророчество о Думе есть пророчество о Риме, то смысл становится ясен. Кричат с Сеира — из Рима кричат, с Капитолийского холма. Утро — избавление (*зеула*). Сколько осталось ждать избавления, сколько еще продлится изгнание (*галут*)? Сторож, сколько ночи?

Мудрецы считали, что кричит Сам Святой, благословен Он, ушедший со Своим народом в изгнание. Он кричит из Рима, спрашивает, сколько осталось ночи, когда кончится Его плен. А у ворот Рима сидит *Машиах* (Мессия) в облике прокаженного и ждет, когда Израиль покается и заслужит избавление. Ждет, чтобы прийти.

Днем солнце пилит небо, как плотник пилит кедр, и римские толпы жужжат как осиный рой. Днем в городе из-за визга солнца и гомона толпы не слышен крик души, покидающей тело или вселяющейся в тело. И только ночью мы различаем исполненный тоски голос: «Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?» Ночные стражи зовутся в Риме *вигилиями*. По слову поэта:

*Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных —
Жуют волю, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских...*

И уж конечно, «женский плач мешался с пеньем муз». Не из этих ли звуков состоит музыка сфер, а заодно и тот «шум времени», о котором писал Мандельштам? «Шум времени» был для Мандельштама подобен симфониям Чайковского. «Видит Бог, есть музыка над нами».

По мере того как историк читает тексты и различает метафоры, ему начинает казаться, что он действительно слышит шум времени и даже музыку сфер. Все движется и звучит в согласии со всем в бесконечном мифе, где одна метафора перетекает в другую. То ли Овидий на последней страже оплакивает свое изгнание из Золотого Рима, то ли голос Якова спрашивает о *галуте* и *геуле*. Один символ влечет за собой другой, исторические лица становятся литературными героями, история исчезает в поэзии.

Здесь во мне начинает звучать ворчливый голос профессионала. Хочется осудить себя и коллег, увлекшихся литературным прочтением источников. И апеллировать к чему-то настоящему, невыдуманному. Ведь в подлинной, не литературной истории существовал рабби Меир. Не в литературе, а в жизни он, умирая, объявил себя Мессией. Да и сами мы родились и умрем не в литературе вовсе. И здесь прилично было бы некоторое нравоучение о том, как следует заниматься историей, а как не следует ею заниматься. Вероятно, я бы и закончил таким нравоучением, если бы писал научно-популярную статью. Но я пишу эссе.

УЧЕНИК

Между поколениями — кромешная мгла. Ухо не слышит и глаз не видит. Ведь для себя самого вы и старик, и юноша, и мальчик одновременно, а для ваших студентов вы — только старик. Вы идете по жизни со своим собственным временем как с бычьим пузырем, стенки которого полупрозрачны. Вот вы стоите у угловой булочной на станции Дубулты и пьете легкое светлое пиво, закусывая рогаликом, и беседуете с другом, умершим в Германии. Ваш друг — моложе вашего студента, но студент ничего этого не знает, он не может быть третьим у угловой булочной. Ведь его молодость — старше вашей. К тому времени, как он стал молодым, мир успел слегка состариться. Вы просто живете в разных мирах с разными системами летоисчисления. Он считает от своего дня рождения, а вы — от своего.

Это напоминает Ахилла и черепаху. Ахилл никогда не догонит черепаху. Когда Ахилл окажется в точке, которую черепаха оставила, та еще чуть-чуть продвинется. Когда ваш студент станет стари-

ком, вы продвинетесь дальше. Как поется в песне, «нас не догонят». Ни о какой победе ученика над учителем не может быть и речи. Разве что о победе рабби Меира над рабби Элишей бен Авуей. Или о победе доктора Вагнера над доктором Фаустом.

Рабби Элиша бен Авуя, учитель рабби Меира, сбросил с себя иго Торы и стал служить римлянам, а довели его до этого греческие песни и еретические книги. О нем рассказывает Иерусалимский Талмуд (Хагига, 2:1). Решив насладиться этим миром, раз в мире Грядущем ему отказано, отправился он в субботу к гетере. «Не ты ли Элиша бен Авуя?» — спросила она его. Выдернул он из земли редьку (в субботу!) и дал ей. И она назвала его Ахер («Другой»). У Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» есть эпизод: Адриан Леверкюн приходит к гетере Эсмеральде, чтобы получить от нее сифилис и великий композиторский дар. Она остерегает его, но тщетно. Визит к гетере подобен визиту к нотариусу для заключения контракта мудреца с силами Зла. Мало подписать договор кровью — его еще надо запечатать и заверить. Быть может, от рабби Элиши бен Авуи тянется ниточка к Фаусту, а от рабби Меира — к доктору Вагнеру. Мудрец, пошедший по пути Зла, и его добродетельный ученик. Как Фауста победил его ученик, доктор Вагнер, так и рабби Элишу бен Авуя победил и спас его ученик, рабби Меир. Ведь о докторе Вагнере сказано:

В лучах его известности исчез

Последний отблеск Фаустовой славы.

Когда умер Ахер и похоронили его, упал небесный огонь на его могилу. Прибежали к рабби Меиру и сказали: «Горит могила твоего учителя!» Рабби Меир укрыл могилу своим талитом и сказал Ахеру, лежащему в земле: «Переночуй эту ночь, а утром, если Он выкупит тебя, хорошо, а если не захочет выкупить, то я тебя выкуплю, как жив Господь!» Слова эти — цитата из книги Руфи (3:13), где говорит их бедной моавитянке Руфи ее родственник Боаз, обещая утром выкупить ее, жениться на ней. Но рабби Меир истолковал иначе: Учитель, переночуй эту ночь, пока не наступит мир Грядущий, который весь — утро. Если Господь искупит твой грех — хорошо. Если же нет — я сам принесу тебе искупление.

Пасторальная, мирная книга Руфи. Без войн, пророчеств и ужасных чудес. Очень любили ее «малые голландцы» и прочие бытописатели. Когда в стране Иудейской был голод, человек из Вифлеема (Бейт-Лехема) ушел в Моав и там женил своих сыновей на моавитянках. Умерли в стране Моав он и сыновья. Вдова же его Наоми с невесткой Руфью вернулась в Вифлеем. И был у Наоми богатый родственник Боаз. У него на поле Руфь собирала колосья (как собирали колосья на чужих полях нищие), и полюбилась ему, и стала его женой. Выкупил ее Боаз у свекрови Наоми по обычаю Израиля. По этому обычаю родственник мужа выкупал бездетную вдову, как выкупают заброшенное поле, и женился на ней, чтобы восстановить семя умершего, чтобы не исчезло имя его. У Руфи был

родственник ближе Боазу, имевший на нее предпочтительное право. Когда же этот безымянный родственник отказался от Руфи, Боаз сам взял ее в жены. А потомком этого брака стал царь Давид.

И отсюда толкование рабби Меира. Себя рабби Меир уподобил Боазу, а «более близкого родственника» — Святому, благословен Он. Тот, кто выкупает, искупает (*гоэль*), это — Сам Господь. Господу принадлежит искупление, спасение (*геула*). Если искупит Господь вину Ахера, хорошо. Если нет — рабби Меир принесет Ахеру искупление, совершит *геулу* вместо Господа. Ведь и Боаз сказал Руфи: «Хотя и верно, что я — близкий твой родственник, но есть еще родственник, более близкий, чем я. Переночуй эту ночь, а утром, если он выкупит тебя, хорошо, а если не захочет выкупить, то я тебя выкуплю, как жив Господь!» Переночуй эту ночь, пока не наступит мир Грядущий, который весь — утро. И там будет воскресение из мертвых. Ученик выкупит и воскресит учителя, как Боаз выкупил моавитянку Руфь.

Потому утешает, утешает пророк: «Ликуй, бездетная, нерожавшая, разразись песней и веселись, не мучавшаяся родами, ибо сыновей покинутой больше будет, чем сыновей замужней... Ибо супруг твой — Создатель твой, Господь Воинств — имя Его... И все сыновья твои будут учениками Господа» (Йешаяу, 54:1-13). Ученики Господа искупят Израиль, образ же Израиля — моавитянка Руфь. А кто же они, ученики Господа? Талмуд отвечает устами рабби Ханины: «Ученики мудрецов

умножают мир на земле, ибо сказано: “И все сыновья твои будут учениками Господа”» (Брахот, 64а). Так что студенты спасут Израиль, ученики мудрецов! Как Боаз выкупил Руфь. Как рабби Меир выкупил и спас своего учителя, рабби Элишу бен Авую.

Написано: «Ибо супруг твой — Создатель твой, Господь Воинств — имя его». Сава-оф-Цева-от, Господь Воинств. Цева-от — на иврите «Воинства». Сава-оф — греческая транслитерация еврейского слова Цева-от. А «Воинства» — звезды небесные. Об этих «Воинствах» поэт писал:

*Теперь темнеет рано,
Но конный небосвод
С пяти несет охрану
Окраин, рощ и вод.*

*Из комнаты с венками
Вечерний виден двор
И выезд звезд верхами
В сторожевой дозор.*

И не просто писал это, но и выражал всяческую уверенность в том, что

*...тут нас не оставят.
Лет через пятьдесят,
Как ветка пустит паветвь,
Найдут и воскресят.*

Домик в Коломне

Один из моих друзей, человек умный и ученый, спросил меня, начитавшись моих эссе: «А где же твоя концепция еврейской культуры?» «Читай дальше», — ответил я со страхом. Если он будет читать дальше и дойдет до конца, его ожидает разочарование, а меня — разоблачение. Ведь нет никакой концепции, и культуры еврейской тоже нет. Слово *тарбут*, каким зовут культуру в современном иврите, в Талмуде сопряжено с прилагательным «злой»: злое воспитание, языческое поведение. Это у римлян — культура, у греков — *пайдея*, а у нас — Тора. Отложить надолго разоблачение, написать еще много маленьких эссе я не в силах. Не то чтобы синтез и анализ вызывали у меня затруднение: с учеными статьями нет проблем. Иное дело — *хариза*, нанизывание.

Что такое нанизывание? Об этом мы читаем в толковании на Шир а-ширим (Песнь Песней). Сказано в Песни Песней: «Прекрасны в подвесках

щеки твои, в ожерельях нанизанных — шея твоя» (1:10). Бен Азай сидел и толковал Тору, и огонь пылал вокруг него. Пришел к нему рабби Акива и спросил: «Уж не тайнами ли Колесницы ты занимался»? «Нет, — ответил Бен Азай. — Я сидел и нанизывал слова Торы одно на другое, и слова Торы — на слова Пророков, и слова Пророков — на слова Писаний, и слова веселились, словно только что даны на Синае, и сладостны были как на Синае, а на Синае — разве не в огне они даны? Ведь сказано: “И приблизились вы, и стали под горою, а гора пылала огнем до сердца небес — мрак, облако и мгла” (Дварим, 4:11)».

Господь упаси меня сравнивать себя с великим мудрецом! Я не Бен Азай, я не был в числе четырех, вошедших в Пардес, как он, я не утратил, как он, рассудок ради разума. Ради любви к Торе я не отказался от любви к женщине, как отказался Бен Азай. Но и я нанизываю слова Торы на слова Писаний, слова Писаний на слова Пророков, а слова Пророков на слова поэтов, и так пишу эссе. Нить, на которую нанизываю, я тку из себя как паук, тку из своего бедного опыта и своей жалкой фантазии. И нить моя коротка, и веселье мое недолго. Где же мне набраться тем для новых эссе?

Да и как отыскать в Талмуде концепцию? Талмуд будто смеется над нами, привыкшими к вступлениям и заключениям, к обобщениям и прочей научности. Кто ищет введение в начале трактата и выводы — в конце, будет удивлен. Возьмем, например, трактат «Сота». *Sota* — женщина,

подозреваемая мужем в неверности. По аналогии, *сота* — Израиль, неверный Богу. Как и Израиль, *сота* должна пройти испытание, выпить горькую воду, воду, наводящую проклятие. Если она виновна, то живот у нее опухнет и бедро опадет. Если же невинна — останется невредимою. Но с тех пор, как умножились в Израиле развратники, не стало горькой воды. А перед приходом Мессии каждое поколение — хуже предыдущего. «Когда умер рабби Меир, не стало сочинителей притч. Когда умер Бен Азай, не стало усердных. Когда умер Бен Зома, не стало толкователей. <...> Когда умер Йеуда Князь, не стало скромности и страха перед грехом». Эти слова Мишны некий чтец (из тех, что учили Мишну наизусть) произнес перед мудрецами. Сказал ему рабби Йосеф: «Не говори более: “Не стало скромности» — ибо есть я!» А рабби Нахман сказал: «Не говори более: “Не стало страха перед грехом” — ибо есть я!»

То ли рабби Йосеф действительно был таким скромником, а рабби Нахман боялся греха, то ли Талмуд иронизирует, нам неизвестно. Но на этом трактат «Сота» внезапно кончается. Желающие могут вывести отсюда концепцию.

Или того пуще. Возьмем трактат Талмуда «Недарим» («Обеты»). Он помещен в разделе «Нашим» («Женщины»), хотя отнюдь не все обеты касаются семейно-брачных дел. В конце трактата мы читаем рассказ о любовнике с классической завязкой: муж пришел домой, а любов-

ник спрятался за дверь. На глазах у любовника змея заползла в дом и укрылась в листьях салата, который муж собрался откусать. «Не трогай салат! — закричал любовник. — Там змея!» По этому поводу один из мудрецов, Рабба, заметил: «Если бы он действительно совершил прелюбодеяние, то, конечно, желал бы мужу смерти, а не остерегал бы его. Ведь сказано: “Ибо прелюбодействовали и кровь на руках их” (Йехезкель, 23:37)». Другие мудрецы возразили Раббе: любовник мог вовсе не стремиться к смерти мужа, его могло вполне устраивать положение любовника. Ведь написано: «Краденая вода сладка, а утаенный хлеб приятен» (Мишлей, 9:17).

И все. Где же концепция, где обобщение? Где нравоучение? Разве что сладость краденой воды наводит на мысль о горечи воды, наводящей проклятие, которую пьет *сота*, но этого мало для концепции. Да и предмет уж очень легкий и мелок, даже не совсем приличен. Место ли анекдоту в собрании мудрецов? Так и Пушкин начал свой шедевр «Домик в Коломне» с серьезных рассуждений о стихотворстве, а от них перешел к рассказу, удивляющему мелкостью темы и легкомыслием. В Коломне жила-была вдова с одной дочерью. Горе вдруг посетило их дом, умерла кухарка. Дочь привела покойнице на смену девушку Маврушу. Как-то раз вдова-старушка встревожилась, прибежала домой и... о ужас: «Пред зеркальцем <...> кухарка брилась!» Кухарка оказалась мужчиной. На этом интересном месте Александр Сергеевич

попытался внезапно закончить поэму («кончить тороплюсь»), как он внезапно (и легкомысленно) закончил свой роман в стихах (муж Татьяны пришел домой, чтобы вдруг обнаружить там соседа своей жены, Онегина). Но помешал ему раздраженный голос читателя:

«Как, разве всё тут? Шутите?» — Ей Богу.

«Так вот куда октавы нас вели!

К чему ж такую подняли тревогу.

Скликали рать и с похвальбою шли?

Завидную ж вы избрали дорогу!

Ужель иных предметов не нашли?

Да нет ли хоть у вас нравоученья?»

— Нет... или есть: минуточку терпенья...

Минуточку терпенья, любезный читатель, и я попытаюсь извлечь из Талмуда и нравоучение, и концепцию. В моем рассказе бритва также будет играть немаловажную роль. Речь пойдет о трактате «Назир». Его место в разделе Талмуда «Женщины» еще более сомнительно, чем место предыдущего трактата («Недарим»). *Назир* (назорей) — человек, давший обет не есть виноград, не пить вино, не стричь и не брить волосы. *Назиром*, например, был богатырь Шимшон (Самсон). Когда ему остригли волосы с головы, он лишился своей чудесной силы, так как нарушил обет. В конце трактата Мишны «Назир» мы читаем что-то очень невнятное о пророке Шмуэле (Самуиле), который также был назиром:

Шмуэль был назиром, таково мнение р. Нехорая, ибо сказано: «И бритва (*мора*) не коснется головы его»... Сказал р. Йосе: «А разве “*мора*” не есть страх перед людьми?» Сказал ему р. Нехорай: «А разве не сказал Шмуэль: “Как же я пойду? Ведь услышит Шауль и убьет меня”. И из этого видно, что *мора* (страх) перед людьми был у Шмуэля».

За видимой невнятностью — игра слов. Мишна нанизывает слова на слова, играет с созвучием: бритва — *мора*, и страх — *мора*. Назир Шмуэль не должен бриться, бритва (*мора*) не коснется головы его, но он испытывает страх (*мора*) перед людьми. Талмуд толкует это высказывание Мишны еще более невнятно, ссылаясь на пророка Йешаяу: «Ученики мудрецов умножают мир на земле, ибо сказано: “И все сыновья твои будут учениками Господа”». В чем смысл такого толкования? Мы поймем этот смысл, если продолжим читать цитату из пророка: «Правдою будешь утверждена, далека будешь от притеснения, ибо не будешь бояться...» Речь идет об Израиле, который изображен женщиной. Израиль будет свободен от притеснения и страха. Страх (*мора*) перед людьми не коснется головы Израиля, как бритва (*мора*) не коснется головы назира!

Вот нравоучение, вот концепция: ученики мудрецов освобождают Израиль от страха перед людьми, прелюбодеи же лишены страха пред Господом, и нет у них стыда. И не завидуйте их успехам у женщин, их похождениям! Когда-нибудь

ведь им придется давать отчет, а их любовницам — пить горькую воду. Если же эта концепция кому-то не кажется убедительной, если она не отражает своеобразия еврейской культуры и не содержит ее (то есть культуры) соль и суть, то мне остается признать свое бессилие, процитировав последние слова поэмы «Домик в Коломне»:

...Больше ничего

Не выжмешь из рассказа моего.

ДАЛЬШЕ — НИЦШЕ

*Антиметафизическое мирозерцание —
да, но художественное.*

Ф. Ницше. Воля к власти

Хотите знать, что был «мир» для Фридриха Ницше? Вот этот мир: «Исполн сил, без начала и конца, прочная, литая громада сил, которая не становится ни больше, ни меньше, которая не расходуется, не тратится, только превращается, оставаясь как целое величиной неизменной... Дионисийский мир вечного самосотворения, вечного саморазрушения...» Этого «мира» Ницше нет в природе, он всего лишь миф, он никогда не существовал и не будет существовать. Этот «мир» Ницше украл у Платона из диалога «Тимей». Украд же, обвинил Платона в «испорченности потусторонности». Ведь Платон имел наглость считать, что кроме мира становления и превращения есть еще и потусторонний недвижимый мир, мир сущего, мир идей. Главная функция мира идей — служить богу-творцу образцом, шаблоном при творении мира становления и превращения. Бога-творца Платон назвал Ремесленником (Демиургом). Де-

миург творит материальный мир (мир становления), глядя на недвижимый первообраз, постигаемый разумом.

Александрийский еврей Филон в первом веке христианской эры истолковал Платона через библейский рассказ о творении. Сначала Бог творит нечто, не имеющее видимого образа, идеальное. Потому и сказано: «Земля же была пуста и безвидна». По образцу мира идеального Бог возводит материальный и видимый мир. Так архитектор, глядя в чертежи на воощеных табличках, строит город с дворцами, гаванями и рынками. Вслед за Филоном рабби Ошая Раба в третьем столетии учил: «Царь земной, если строит дворец, не сам строит его, но зовет ремесленника, а ремесленник тоже не сам строит, но заглядывает в свитки и воощеные таблички и так узнает, как возвести комнаты, как устроить двери. Так и Святой, благословен Он, смотрел в Тору и творил мир» (Берешит раба, 1:1). Откуда рабби Ошая узнал толкование Филона? Он жил в Кесарии Приморской (столице римской провинции Палестина) и общался там с отцом церкви Оригеном, который Филона читал и цитировал. От Оригена же пошла традиция к христианским богословам и европейским философам.

Эту традицию Ницше отверг. Время ее отвергло. В XIX столетии небеса рухнули на землю, не стало опоры для морали и ценностей. Нигилизм захлестнул все. И тогда Ницше предложил выход. Если «всеобщее счастье» и «справедливость» — только лицемерный обман евреев и христиан,

если нет «потустороннего мира», а «Бог умер», то ценность осталась лишь одна — самая жизнь в пакете с болью и тоской. Нет ничего «по ту сторону бытия»: ни блага, ни Бога, ни ангелов. Лишь этот мир существует. «Хотите знать имя этому миру?» — спрашивает философ. И отвечает: «Этот мир есть воля к могуществу и ничего, кроме этого». Если же кого-то тошнит и от воли, и от могущества, если муть подступает к горлу, так ведь Ницше и не обещал «счастья», он презирал «удовольствие». Единственная ценность для него — умножение жизни, изобилие жизни, пусть ценой боли (тем лучше!). Ведь все, что нужно, это (по слову Пастернака)

*...быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Воля к могуществу разлита повсюду. Сильный атом притягивает, старается поглотить. Слабый атом отталкивает, сопротивляется поглощению. Протоплазма простирает свои псевдоподии и ощупывает ими все вокруг себя. Здесь нет «закона», говорит Ницше, а есть лишь степень сопротивления и превосходства мощи. Закона нет: каждая власть в каждый данный момент развивается до последних своих пределов.

Поймаем Ницше за руку в карточной игре. Он лукаво играет словами. Ведь в науке понятие закона (физического или химического) — метафора, взятая из мира людей. А в мире атомов или

камней нет власти, нет приказывающих и нет повинующихся. Ницше же возвращает метафору в симпатическую магию, где все созвучно всему, все борьба за власть и нет власти на небесах. Поэтому он и борется со стойками, с их теорией «естественного закона», которому и камни, и люди послушны.

В Александрии просвещенные евреи «естественный закон» уравнили с Торой. Почему Тора позволяет к пище животных, отрывивающих жвачку? Потому что жизнь есть питание, правильная работа желудка. Воспоминание о питании есть «отрывивание жвачки», образ памяти. Мы должны помнить, Кто наладил пищеварение, Кто связал члены сухожилиями, оснастил мысль для полета. «Ибо Ты создал почки мои, соткал меня в чреве матери моей. Славлю Тебя, ведь удивительно и чудесно я устроен, чудесны дела Твои...» — гласит Псалом (139:13-14). Должны помнить об этом, когда ложимся и когда встаем, ибо переход от сна к бодрствованию — чудо, творимое Господом. И навязать бахрому на одежды свои, и твердить детям своим, и написать на косяках дома своего, и начертать между глазами своими. А раздваивание копыт — символ различения дурного и прекрасного, потому Закон позволяет к пище животных с раздвоенными копытами. Так сказано в «Послании Аристеея Филократу», александрийском романе, созданном в пору натиска и блеска, когда евреи сражались на стороне Клеопатры II в ее сваре с Птолемеем VII.

Ницше против стоиков и Платона, миф против мифа. Протоплазма, обуреваемая волей к власти, мифичнее Демиурга со всеми его затеями. Поэзия против поэзии. Жизнь.

*Как усыпительна жизнь!
Как откровенья бессонны!
Можно ль тоску размозжить
Об мостовые кессоны?*

Так у Пастернака в книге «Сестра моя — жизнь».

Сказано в Псалме (1:1): «Счастлив человек, который по совету злодеев не поступает, и на путь грешников не встает, и на заседании насмешников не сидит». Стилисты поднимут меня на смех: что за «заседание» такое? что за насмешка над классикой? Ведь есть перевод архаически-почтенный: «собрание». Увы, перевожу что написано. Три телесные позиции перечислены в Псалме: хождение, стояние и сидение. Ходить (поступать, ступать) по совету злодеев, вставать на путь грешников, сидеть на заседании насмешников. Третья позиция усилена удвоением корней: счастлив тот, кто «не сидит на заседании» (*бе-мошав ло йашав*). А вовсе не «собирается на собрание». Септуагинта переводит заседание (*мошав*) — *катедра*, или «кафедра». По-гречески здесь также звучит удвоение: *эпи катедран... экатисен*.

Тот, кого в еврейской традиции называют Йешу-назаретянин, говорил ученикам: «На Моисеевом сиденье сели книжники и фарисеи». До

нас не дошел арамейский текст Евангелия, а по-гречески написано: *епи катедрас... екатисан*. Здесь удвоено, как в Псалме: сели на сиденье — на кафедре. Что за сиденье такое, что за низкий стиль? Кафедра — кресло профессора, философа. Ученики окружают кресло, глотают пыль от ног учителя, пьют мудрость из его уст. Кресло профессора и его должность оплачены меценатами. Так Марк Аврелий учредил в Афинах четыре кафедры по числу главных философских школ: академики, перипатетики, стоики, эпикурейцы. Моисеева кафедра — кресло Моше-рабейну, сиденье Моисея, учителя нашего.

«На заседании насмешников не сидит». А кто же эти «насмешники»? «Насмешники» — те, кто «насмехается над словами мудрецов». Кого из исторических лиц обвинял в насмешках над мудрецами Талмуд, я не буду здесь говорить. Упомяну лишь Брурию, ученую женщину. Она была женой рабби Меира и дочерью сожженного римлянами рабби Ханины бен Терадиона. Раши писал о ней: «Как-то раз насмежалась Брурия над словами мудрецов: «Все женщины легкомысленны». Сказал ей рабби Меир: «Жизнью твоей клянусь — ты сама послужишь этим словам подтверждением». И велел ученику испытать, устоит ли она против прелюбодеяния. Много дней тот уговаривал Брурию, покуда она не согласилась. А рабби Меир бежал в Вавилон от стыда и тоски». Великому мудрецу не привыкать было бежать: то от римлян, то от слуг Йеуды Князя, то от тоски и стыда.

Отец же всех насмешников и критиканов — Корах (Корей), который издевался в пустыне над Моше и Аароном, обвиняя их в лицемерии. Собрал он все общество и рассказал анекдот о бедной вдове. Моше и Аарон сначала заморочили ей голову заповедями («на упряжке из осла и быка не паши», «смесью семян не сей...»), а потом и обобрали. Так в «Мидраш раба» на Песнь Песней. Кораха и друзей его, Датана и Авирама, живьем поглотила земля.

Таковы эти насмешники и таковы их истории. Вот что пишет о них Фридрих Ницше в книге «Воля к власти»: «Забыл сказать, что философы эти необычайно веселы и любят восседать в проеме пропасти совершенно безоблачного неба — им надобны иные средства, чем всем прочим людям, чтобы выносить жизнь...» И что еще удивительнее, философ хотел бы «проводить жизнь среди нежных и абсурдных вещей; вчуже от реальности; полухудожником, полуптицей и метафизиком; без «да» и «нет» по отношению к реальности, за исключением разве что тех мигнов, когда, подобно хорошему танцору, снисходишь до нее и легким касанием мыска признаешь...». Этот мир превращения, «исполин силы без начала и конца», он все же недостойн того, чтобы ступать на него всей стопой, чтобы признавать его вполне. «Антиметафизическое мирозерцание — да, но артистическое».

Осталось только понять, почему Пастернак назвал свою книгу «Сестра моя — жизнь», почему странный, почти ницшеанский троп жизни

мелькает у него непрестанно. Не потому ли, что сказано в Песни Песней (4:9): «Пленила ты меня, сестра моя, невеста, пленила ты меня одним из глаз твоих, одним ожерельем на шее твоей»? И ответ на это (8:1): «О, если бы ты был мне брат, сосавший грудь матери моей, встретила бы я тебя на улице, целовала бы тебя, и не срамили бы». Пушкин же перевел Песнь Песней легким танцующим стихом:

*Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный...*

КАК ПИСАТЬ ЭССЕ?

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. «Мне скучно, — сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю о чем». «Пиши все, что ни попало, — отвечал приятель, — мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко: так писывал Сенека и Монтань». Приятель ушел, и дядя последовал его совету.

А.С. Пушкин. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»

Жизнь только тем и занимается, что дает пикейным жилетам поводы к обсуждению. Из обсуждения важных дел состоит гражданское общество. Но так ли уж важны важные дела? Это вопрос традиционно сомнительный. Я как раз слышал лекцию Рава про дела и смысл. Рав признался, что гражданские подвиги русских евреев, а также ношение ими кипот и бород не вызывают у него восторга и радости. Конечно, в Грядущем мире, сказал Рав, всем носителям *кипот* и бород уготовано место, им дадут там кусочек зажаренного гуся. Но вовсе не это важно. А что же важно? Наполниться смыслом и жизненной силой. Как полны были смыслом и жизненной силой наши отцы, когда сердце еврейского мира билось в Российской империи. Перед милыми еврейскими пенсионерами, перед бухгалтерами и программистами стояла сама Философия и вещала им словами Ницше и Хайдеггера.

Философия особенно не церемонится. Филон Александрийский уподобил ее Саре, а свободные искусства — Агари. Без свободных искусств (риторики и арифметики, геометрии и музыки) не поступишься к Философии. И Авраам не мог родить сына от Сары, пока не сошелся с рабыней Агарью. Когда же Агарь принесла плод и проявила черты надменности, Философия не церемонилась с ней. «И Сара утесняла свою рабыню, и та бежала от нее. И нашел ее ангел Господень у источника воды в пустыне, у источника воды по дороге в Шур. И сказал ей ангел Господень: “Служанка Сары, откуда ты пришла и куда идешь?” Та ответила: “От Сары, госпожи моей, я бегу”. И сказал ей ангел Господень: “Вернись к госпоже своей и смирись под руку ее...”» (Берешит, 16:6-9). Профессия ангела — обличитель. Ведь сказано в Притчах (Мишлей, 3:11-12): «Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает...»

«Есть три причины для бегства, — пишет Филон в своем трактате “О бегстве и нахождении”, — ненависть, страх и стыд». Нахождение же бывает без поиска или поиск без нахождения, одни ищут и находят, а другие и не ищут, и не находят. Какая же связь, спросим мы, между бегством и нахождением? А вот какая: Агарь «бежала» и ангел Господень «нашел» ее. Филон не «пишет что ни попало» подобно Сенеке или Василию Львовичу Пушкину. Он играет словами Торы в благочестивом восторге, не зная, как опасен этот восторг. Ведь уже родился в Тарсе, в рим-

ской провинции Киликия, мальчик. Его обрезали на восьмой день и назвали Шауль, Саул, Савл — в честь царя Саула. А римское имя его — Павел. Быть может, он уже подросток и стал юношей и учится в Иерусалиме у ног Гамлиэля Старого, славнейшего из фарисеев. И ходит в синагогу «эллинистов», евреев, говорящих по-гречески. Он всю жизнь будет бежать — с того странного случая по пути в Дамаск. Свои дела он сравнит с «раздирающим», рассекающим воздух бегом на стадионе, а Тору — с педагогом.

В Римской империи «педагог» — раб-воспитатель, дословно — «детоводитель». Он пестует сына хозяина, водит его в школу грамматика и забирает из школы, пока не вырастает сын и не идет учиться к ритору или философу. А они уже воспитывают и обучают юношу. Павел же в Послании к Галатам (3:23-4:31) рассуждал так: Тора была педагогом, ведущим к Помазаннику, чтобы через него оправдаться верой. Когда же вера пришла и пришел Помазанник, нет больше нужды в педагоге, нет Торы. Дети рабыни Агари, писал Павел, пребывают в рабстве (и таковы евреи), а дети свободной Сары, когда вырастают, не подчиняются уже ни педагогу, ни домоправителю (и таковы христиане).

Кто первый назвал Тору педагогом? Мы не знаем. Через два столетия после Павла это сделал рабби Ошая Раба. Рабби толковал слово *амон* в Притчах. Там сказано о Мудрости: «И была я у Него *амон*, и была радостью всякий день, играя перед Ним всечасно» (Мишлей, 8:30). Понятно, что Мудрость — это Тора, что Тора была радостью и забавой у

Господа, а что такое *амон*? В пустыне Моше говорит Господу: «Разве я носил в чреве народ этот, или я родил его, что Ты говоришь мне: неси его в лоне своем, как носит пестун (*омен*) грудного младенца, в землю, которую Ты обещал отцам его?» (Бемидбар, 11:12). Слово *амон* созвучно слову *омен* (пестун). Значит, Тора — пестун. А по-гречески пестун — «педагог». Значит, Тора — педагог.

Перед Сиянием Славы замерли и Павел, и Филон. В Торе Господь говорит Моше: «Вот место у Меня, стань на этой скале. И вот, когда проходить будет Слава Моя, помещу Я тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И, когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видно» (Шмот, 33:22-23). Почему же не будет видно лицо Господа? «Ты видеть Моего лица не можешь, ибо человек не может видеть Меня и остаться в живых» (Шмот, 33:20). Только со спины, сзади. Филон толкует это место в Торе платонически. Человек не может видеть истинное Бытие, которое и есть Бог. Мифы Платона о колеснице и пещере свидетельствуют о трудности предприятия. От Бытия исходит сияние, невыносимое для людских глаз. Но отражение Бытия человек видит и так восходит к частичному познанию. Можно увидеть тень Бытия — материальные предметы. То есть увидеть Бытие сзади, со спины.

Павел подхватил нить толкования. Сказано в Торе: когда Моше сходил с горы Синай со скрижалями Завета в руках, от лица его исходили лучи света. На лицо свое он налагал покрывало, ибо ев-

реи, видя этот свет, боялись подойти к нему (Шмот, 34:29-35). Павел заключает из этого, что слава лица Моше — преходящая, ведь она исходит от буквы, от скрижалей Завета, а не от Духа. Умы евреев ослеплены; покрывало, которым Моше скрыл свое лицо, до сих пор лежит на сердце их. Поэтому они читают Тору буквально и не понимают смысла. Христиане же с открытым лицом взирают на Славу Господню. «Потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор., 3:6-18).

«Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь отрезания», — пишет Павел своим ученикам в город Филиппы, что в римской провинции Македония. Не «обрезание» (*перитоме*), как обычно звали евреев, а «отрезание» (*кататоме*) — издевательски и с намеком на кастрацию. «Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный на восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей, <...> непорочный по праведности в Торе». Все это Павел готов считать *скюбола*: в синодальном переводе «сор», в действительности же нечто гораздо более грязное (Флп., 3:2-8).

Мишна (Брахот, 9:5) отвечает Павлу словами из Притч (23:22): «Не презирай матери своей, когда состарится». И словами Псалма (119:126): «Время действовать за Господа, они преступили Тору Твою». А рабби Натан истолковал это так: «Преступили Тору Твою, потому что время действовать за Господа». Если важные дела того требуют, то позволительно преступить Тору. Как это случилось в День

горы Гризим. День этот был назван так, потому что на горе Гризим стоял храм самаритян-кутиев. Тогда просили кутии у Александра Македонского разрушить наш Храм в Иерусалиме, и разрешение было им дано. Сообщили об этом Шимону Праведному, и тот вышел из Храма в одежде первосвященника, а ведь выходить из Храма в священнической одежде значит преступить Тору. Всю ночь шли навстречу друг другу Александр и Шимон. Когда же дошли до Антипатриды, увидел Александр Шимона, сошел с колесницы и склонился перед ним. Сказали ему: «Ты, великий царь, склоняешься перед этим евреем?» Ответил им Александр: «Образ этого человека вел меня к победам». И предал кутиев в руки евреев, и отменил свой приказ разрушить Храм. И к этой истории относятся слова Псалма: «Преступили Тору Твою, потому что время действовать за Господа». Так в трактате Талмуда «Йома» (69). А у Иосифа Флавия имя первосвященника не Шимон Праведный, а Ядуа.

Вот только неясно: кто решит, когда можно преступать Тору, а когда нет? Как понять, что настало время действовать и вершить великие дела? Слишком многие поспешно приступали к действию и наломали дров. Иные же, наоборот, опаздывали, думая, что время есть, а его не было. И любое решение было губительным. Поэтому стало модным бежать от решения. А из четырех видов поиска и нахождения, о которых писал Филон, все чаще выбирают поиск без нахождения. Это очень легко, так принято писать эссе.

ЗА СТОЛИКОМ НОЧНОГО КАФЕ

Я пишу эту книгу на старый еврейский манер. В ней искренность хочет дружить с ученостью, а главы рождаются пестрыми, как овцы отца нашего Яакова. Ведь одноцветность, точность и ясность мы находим лишь в мире чисел и абстрактных идей. Душа созерцает их в надзвездном пространстве до своего вселения в тело. В мире первичных идей и чисел умозрение не знает преград, постигая вечное и истинно существующее. Иначе — в том, что касается нашего мира, рождающегося и переходящего мира явлений. Этот мир живет во времени, которое есть слабый отблеск вечности. Здесь знание не находит опоры, здесь — область веры и мифа. «Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере», — писал Платон. В этих делах (преходящий мир, его рождение и его кумиры) мы должны довольствоваться правдоподобным мифом, не требуя большего. Так сказано в диалоге Платона «Тимей».

Мир явлений является, кажется, мнится. По-гречески «видимость», «кажимость», «мнимость» — *докса*. *Докса* — также «слава», ведь слава — это то, что всем видно, что господствует во всеобщем мнении. Греческим словом *докса* в Александрии Египетской семьдесят толковников перевели еврейское слово *кавод* — «тяжесть», «весомость», «честь». Как в словах Моше, обращенных к Господу: «Покажи мне Славу Свою» (Шмот, 33:18). В Септуагинте (переводе семидесяти толковников) это звучит как музыка: *дейксон доксан* («прославь славу», «яви явь»). И в рассказе о сиянии лица Моше, когда он сходил с горы Синай со скрижалями Завета в руках (Шмот, 34:29-35), мы находим отблеск Славы Господней. В Торе сказано: «Сияла кожа лица Моше». А в Септуагинте читаем: «Лицо Моше было прославлено».

Но здесь возникла апория, трудность. «Слава» есть нечто почетное, но и суетное, как суетно и «мнение», «видимость». Все, что подвластно суетному мнению и неразумному ощущению, не существует на самом деле. Что же, неужели и Слава, явленная Моше на Синае, не существовала на самом деле? Была мифом? Филон Александрийский развязывает эту апорию. По словам Филона, когда Моше говорит Господу «покажи мне Славу Свою», он просит явить ему неложную видимость, истинную Славу, обменяв тем самым сомнение на веру. Так вера ставится выше знания. Ведь знание о Боге невозможно для человека, но Слава дана через веру.

В старой тяжелой апории ломается сила разума и крошится крепость веры. Разум нуждается в вере, чтобы увидеть Сияние. Это — его конечная цель, на меньшее он не согласен, как не согласен и на чистое, холодное знание. Он вообще не согласен на малое, мелкое, корыстное. И поскольку Слава не явлена, разум несчастен и мучается в темноте от бессонницы. Мало света! Пожалуйста, прибавьте света! Нет сил прожить эту ночь.

Сказано в Псалме (104:20-23): «Простираешь тьму, и вот ночь, и в ней рыщут все звери леса. Молодые львы рыкают о добыче, просят пищу у Бога. Солнце встает, они собираются, ложатся в логово свое. Человек выходит к своему труду и на работу свою до вечера». Рабби Зейра истолковал это так. «И вот ночь» — этот мир, который подобен ночи. «И в ней рыщут все звери леса» — злодеи этого мира, что как звери в лесу. «Солнце встает, они собираются» — собираются в Геенну. «Ложатся в логово свое» — каждому праведнику назначена палата по чести его. «Человек выходит к своему труду» — праведники идут получить награду. «И на работу свою до вечера» — сказано о том, кто завершил работу до вечера.

Это еврейский КЗОТ, законы о труде и заработной плате. В разделе «Ущерб», в седьмой главе талмудического трактата «Бава мециа», обсуждаются часы работы и оплата труда. Часы работы — с восхода до заката, поскольку сказано в Псалме: «Солнце встает <...> Человек выходит к своему труду и на работу свою до вечера». Оплата — по

обычаю местности. Как-то раз рабби Эльзар бен Шимон повстречал начальника римской полиции и процитировал ему стих из Псалма: «“Простираешь тьму, и вот ночь, и в ней рыщут все звери леса”». Трудно тебе искать грабителей, ведь они скрываются как звери в лесу, прячутся в своих логовах. Можно схватить праведника, а злодею дать уйти». «Что же делать, — спросил полицейский, — как исполнить приказ кесаря?» «Я научу тебя, — ответил рабби. — В четвертом часу утра загляни в таверну. Как увидишь человека, дремлющего с чашей вина в руке, разузнай, кто такой. Если это не студент, рано собравшийся на учебу, и не работник, рано поднявшийся к своему труду, то он — грабитель, хватай его!»

Отсюда мы учим, что таверны в римской Палестине работали в четвертом часу, то есть около десяти утра по нашему времени, — ведь часы считали от восхода и до заката солнца. Ночь же делили по стражам от заката и до восхода. В трактате Мишны «Брахот» (1:1) мудрецы спрашивают: когда в вечерние часы читаем «Шма» («Слушай Израиль, Господь, Бог наш, Господь един»)? С того часа, когда священники идут есть храмовые приношения и до конца первой стражи. Таково мнение рабби Элиэзера. Мудрецы же говорят: «До полуночи». А раббан Гамлиэль говорит: «Пока не встанет столп зари». Как-то раз его сыновья пришли из таверны и сказали ему: «Мы не прочли “Шма”». Он сказал им: «Если не встал еще столп зари, то вы должны прочесть». И не только

в этом случае, но повсюду, где мудрецы говорят: «до полуночи», следует понимать: «пока не встанет столп зари».

Отсюда мы учим, что таверны в римской Палестине работали ночь напролет, пока не встанет столп зари, а утром не закрывались. И называли их на священном еврейском языке «дом питья». По ночам веселились там юноши из хороших семей, по утрам дремали над чашей вина студенты, ремесленники и грабители. Не так, как в Испании или где-нибудь в Латинской Америке. В поздний час никого не осталось в кафе, кроме одного старика — он сидел в тени дерева, которую отбрасывала листва, освещенная электрическим светом. Еще не было половины третьего ночи, старик попросил бренди, но официант вытер край столика и покачал головой. Конец, сказал он, закрываемся. Конечно, бары были еще открыты, но у стойки бара с достоинством не постоишь. Да и стойка не начищена. Чистое, ярко освещенное кафе — совсем другое дело.

Старик встал, заплатил за коньяк и ушел. Он шел неуверенно, но с достоинством. Официант (не тот, что прогнал старика, а другой, постарше), выключая свет в кафе, говорил сам с собой. Он был из тех, кто не спешит в постель, кому ночью нужен свет (может, это просто бессонница, со многими бывает). Он говорил сам с собой о «ничто»: «Ничто — и оно ему так знакомо. Все — ничто, да и сам человек ничто. Вот в чем дело, и ничего, кроме света не надо, да еще чистоты и

порядка. Отче ничто, да святится ничто твое, да приидет ничто твое, да будет твое ничто, яко в ничто и ничто. Ничто и снова ничто».

Так у Хемингуэя в новелле «Там, где светло и чисто». На что намекал классик? На молитву «Отче наш». Только вместо «Отче» — «Ничто». И вместо «Имя» — «ничто». И вместо «Царствие» — тоже «ничто». Nihil. «Ничто» (и в этом — скрытая суть новеллы) наступит в конце дней. Тогда явится чистое, хорошо освещенное место, Небесный Иерусалим, где совсем не будет ночи и бессонницы. «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо Слава Божия осветила его...» — как сказано у Иоанна Богослова в Апокалипсисе. А на что намекал Иоанн Богослов? На книгу пророка Йешаяу (60:20): «Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется, ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего». А мы знаем, что речь идет о свете, сотворенном и отделенном от тьмы в первый из семи дней творения, когда солнца, луны и звезд еще не было. Этот горный свет, будь он явлен, затмил бы солнце и луну. А потому он сокрыт и припасен для жизни праведников в Будущем мире, о чем и сказал пророк: «И будет свет луны как свет солнца, и свет солнца станет семикратным, как свет семи дней» (Йешаяу, 30:26).

Но если все это — ничто (nihil), то молиться надо ничто о пришествии ничто, а славу присвоить себе. И потому написал поэт в юности:

За столиком ночного кафе

«Славьте меня! / Я великим не чета. / Я над всем, что сделано, / ставлю “nihil”». Так в юности. А не задолго до смерти, имея в виду Будущий мир («построенный в боях социализм»), он нашел совсем другие слова: «Сочтемся славою — / ведь мы свои же люди...» Как мотылек в ночном кафе, наш разум бьется о сетку светильника, об ограду Сияния Славы. «Помоги, Господь, эту ночь прожить...»

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Смысл подобен змейке, которая ночью пробралась в ботинок. Вы надеваете ботинок, и змейка внезапно жалит. Нет, не так. Кто-то запустил ее туда. Иначе как бы она там оказалась? Если никто не заложил смысл, мы будем вечно томиться в поисках смысла и ничего не найдем.

Например, от яда умер художник. Суд признал виновной его жену. Через шестнадцать лет Пуаро идет по следу, и детская считалка о пяти поросятах позвякивает в его голове. Пятеро были на месте, когда художник выпил яд: друг художника, брат его друга, любовница художника, младшая сестра жены художника и бонна младшей сестры. Вне подозрений — любовница, но она — убийца. При первой встрече Пуаро угадывает в ней Джульетту. Почему? Ее Ромео погиб, и она убила себя. Она так и живет мертвой, меняя мужей и наряды. И больше Пуаро ни о чем не догадывается при этой первой встрече. Повесть о веронских любовниках откры-

вается ему постепенно, не сразу. А там речь идет о яде. Ложный яд принимает Джульетта, но истинный яд пьет Ромео. И только увидев Ромео мертвым, Джульетта убивает себя. Это и есть разгадка тайны — не тайны убийства, а тайны смысла. Любовница отравила художника, боясь потерять его. Вместе с Пуаро мы, сами о том не догадываясь, ищем смысл и поражены раскрытием смысла в последней главе.

Или еще пример. *Cota* — жена, подозреваемая мужем в неверности. Она должна пройти испытание, выпить горькую воду. В воде растворено проклятие, содержащее Имя Бога. Священник смывает проклятие вместе с Именем! Святой, благословен Он, велел смывать Свое святое Имя, написанное в святости, чтобы помирить мужа с женой. Так учил рабби Ишмаэль. И отсюда рассказ о рабби Меире, который с наступлением субботы сидел и толковал в синагоге Тору. Была там одна женщина, что всегда слушала толкования. Как-то раз беседа затянулась допоздна, так что дома у женщины успел погаснуть светильник. Муж спросил ее: «Где ты была?» — «Слушала толкования». — «Так не войдешь же ты в дом, пока не плюнешь толкователю в лицо!» Прошла неделя, и вторая, и третья. Сказали ей соседки: «До сих пор вы в ссоре! Пойдем к толкователю!» Когда увидел их рабби Меир, он в Духе Святом все понял. Спросил: «Есть ли здесь женщина, умеющая заговаривать больной глаз?» Женщина испугалась и ответила: «Рабби, я не умею». — «Плюнь мне семь раз в лицо,

и я излечусь!» Она так и сделала. Сказал ей рабби Меир: «Иди и скажи мужу: “Ты велел плюнуть один раз, а я плюнула семь”». Сказали ему ученики: «Рабби! Разве позволительно унижать Тору?» Ведь унижающий мудреца унижает Тору. Ответил он им: «А разве не довольно для Меира, что он равен своему Создателю? Ведь учил рабби Ишмаэль, что Имя Великое, написанное в святости, велел Святой, благословен Он, стереть над водой, чтобы помирить мужа с женой». Так в Ваикра раба, 9:9. А в трактате «Сота» Иерусалимского Талмуда (1:4) немного иначе: «Сказал им: “Разве честь Меира не как честь его Создателя?”»

Очень поучительно. Ради примирения мужа с женой Господь унижает Себя, и рабби Меир унижает себя. И это подражание Богу, добродетель почти философская. Только сзади маячит иной смысл, иной текст, иная повесть. Муж изгнал из дома жену, а рабби Меир искупил ее своим унижением, был оплеван. Как был оплеван Раб Божий в знаменитом пророчестве: «Спину свою я отдал бьющим меня и щеки мои — дерущим бороду, лицо свое не скрыл от поругания и оплевывания». И все ради чего? Ради того, чтобы отменить разводное письмо, вернуть домой жену. Что же это за жена такая? Это Израиль, жена неверная, получившая разводное письмо, но возвращенная. «Так говорит Господь: Где разводное письмо вашей матери, с которым Я отослал ее? <...> Вот, вы проданы за грехи ваши, и за преступления ваши отослана мать ваша». Так у Йешаяу (50:1, 6). А если кому-то сближение рабби Меира с

Рабом Божиим кажется натянутым, то вот еще одно сближение: «Тогда плевали ему в лицо и колотили его; другие же били его по щекам». Это рассказано об Иисусе в Евангелии от Матфея (26:67). Рассказано с очевидной (давно известной) аллюзией на предсказание пророка о Рабе Божьем. Раб Божий — икупитель. И такова же профессия рабби Меира, который собирался икупить Ахера, своего учителя, как Боаз икупил Руфь. И этот же мудрец, рабби Меир, назвал себя Мессией, умирая в римской провинции Азия.

Плевание в лицо — любимый рецепт евреев при лечении глаз. Иисус, по рассказу евангелиста, вылечил так слепого (Мк., 8:23). По другому рассказу, он пробудил девочку, которую все считали умершей. Сказал ей: «Талита, куми», то есть «Девочка, встань!» (Мк., 5:41). Для христиан это факт их священной истории. Для евреев — аллюзия на стих пророка Амоса (5:2): «Упала, не встает более дева Израилева! Повержена на земле своей, и некому поднять ее». Из талмудического трактата «Брахот» (4б) мы знаем, что стих Амоса был горек нашим мудрецам. В вавилонских ешивах учили, что в 145-м псалме из-за него отняли место у буквы *нун* (все другие буквы алфавита открывают стихи этого псалма, а буква *нун* не открывает). Ведь с буквы *нун* начинается слово *нафла* («упала»). А в ешивах Земли Израиля стих Амоса читали, меняя порядок слов: «Упала, но не будет повержена более, встанет дева Израилева». На иврите это звучит так: «Кум бетулат Исраэль!» — «Дева

Израилева встанет!» А на арамейском языке: «Талита, куми!» — «Встань, девочка!» Так что пробуждение девочки — знак, обещание Израилю, символ. Многие посылали такие знаки.

Смысл сокрыт, спрятан как *афикоман* (кусочек мацы) в пасхальную ночь. Ведь *афикоман* в переводе с греческого значит «тот, кому надлежит прийти» (*афикоменос*). То есть Мессия, помазанник. Но если ему все равно надлежит прийти, то зачем его искать? И если его много раз нашли, то почему он еще не пришел? Почему продолжает скрываться? В этой диалектике, безусловно, есть смысл, но она замедляет эссе, делает его тяжелым и вязким, как сердце фараона, ожесточенное Господом. Сколько ни отгадывай загадок, смысл отсутствует. Не хватает изюминки, или, наоборот, изюма слишком много. Когда-то мой первый редактор учил меня писать статьи. Как пирог с изюмом нельзя испечь из одного изюма, так статью нельзя сделать из одних мудреных толкований. И читатель утомится, и автор заблудится. Предупреждение об этом есть в рассказе о четырех, вошедших в Пардес (Хагига, 14б), в словах рабби Акивы: «Когда вы ступите на плиты из чистого мрамора, не вздумайте воскликнуть: “Вода! Вода!”, ибо сказано: “...изрекающий ложь не устоит пред глазами Моими” (Теилим, 101:7)».

Пардес — персидское слово, означающее парк, сад, парадиз. По-гречески — *парадейсос*. В какой сад вошли четверо? По мнению большинства, они вошли в тайное, мистическое учение о Колесни-

це. По мнению же Генри Фишеля, одного из моих коллег, четверо вступили в «Сад Эпикура», как звалась философская школа эпикурейцев, и стали эпикурейцами, «философами сада». Не только Ахер, сбросивший с себя иго Торы, но и Бен-Зома, и Бен-Азай, и сам святой мученик рабби Акива! «Хас ве-халила, — скажем мы в ответ, — “Да не будет!”» Не всякий сад — «Сад Эпикура», не всякая философия — эпикурейство, а при входе в Пардес не было начертано: «Гость, тебе здесь будет хорошо, здесь удовольствие — высшее благо». При входе в Пардес звучали слова рабби Акивы: «Когда вы ступите на плиты из чистого мрамора, не вздумайте воскликнуть: “Вода! Вода!”, ибо сказано: “...изрекающий ложь не устоит пред глазами Моими” (Теилим, 101:7)».

Что имел в виду рабби Акива? Я думаю, что путь к пониманию этих слов пролегает через рассказ о царице Савской. Той самой, что пришла к царю Соломону испытать его загадками. По преданию царь принял ее, сидя в «хрустальном доме». Увидев царя в «хрустальном доме», царица решила, что он сидит в воде. Чтобы приблизиться, она подняла полы платья и обнажила волосатые ноги. Обескураженный царь заметил: «Красота твоя — красота женщины, а волосы — волосы мужчины. Что у мужчин красиво, то у женщин — изъян». Так в «Таргуме шейни» к Эстер 1:1. Легко спутать с водой стекло, или прозрачный кристалл, или полированный мрамор, но поступающий так изрекает ложь. Истинно сущее он заменяет видимостью.

Греки же называли видимость словом *докса*, означавшим также славу, а истину называли словом *алетейа* — «несокрытое».

Впрочем, есть и более легкое объяснение. В книге «Гехалот рабати» (259) сказано о восходящем на Колеснице в шестое святилище. Ему кажется, что ангелы, охраняющие врата святилища, гонят ему навстречу тысячи и тысячи волн. Но это лишь иллюзия, сияние мрамора, которым украшено святилище. Если же восходящий воскликнет в испуге и спросит о природе этой воды, то будет наказан. В лицо ему полетят настоящие куски железа. Самое же удивительное: восходящий на колеснице назван нисходящим на колеснице. И это требует толкования и будет истолковано в свой черед.

Поиск смысла изнуряет и затягивает. Исчезают из виду сказочные картины и бытовые пейзажи, хрустальные залы и постоянные дворы. Только символы путешествуют по сухой и горячей равнине смысла. Это невозможно вынести, если по ночам не вспоминать живую прохладную воду и дюны, если не повторять слова о «тихих долинах», которые «полны свежей мглой». Ведь дорога не пылит и скоро отдых.

Пир

*...и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе —
На пире Платона во время чумы.
Откуда же эта печаль, Диотима?*

Б. Пастернак. Лето

Мы на пиру в Неардее, в городе на реке Евфрат, в стране, которую называют Вавилон, хотя Вавилон давно захирел и лежит в развалинах. Рав Нахман здесь дома, а рабби Ицхак пришел из Земли Израиля. Когда там случилась чума, здесь объявили пост. Но сейчас — ни чумы, ни поста, и мудрецы пируют. Спросил рав Нахман: «Не произнесет ли господин мой слово?» Ответил ему рабби Ицхак: «Не беседуют во время еды, чтобы пища не попала в дыхательное горло вместо пищевода». Так мы учим из трактата, имя которому — «Таанит», что значит «Пост» (5б).

Вот и на пире Платона Аристофан, сочинитель комедий, переел, и на него напала икота. Он сказал врачу Эриксимаху: «Либо прекрати мою икоту, Эриксимах, либо говори вместо меня, пока я не перестану икать». В ту ночь говорили, справа по кругу, похвальные речи Эроту, богу любви. Сократ, когда очередь дошла до него, вспомнил Диотиму,

жрицу Зевса, что прибыла в Афины из Аркадии и на десять лет отодвинула приход чумы. И вот что она рассказала Сократу. Когда родилась Афродита, боги собрались на пир. Пришел и Пор, бог изобилия, опьянел от нектара и заснул. Спящим в саду нашла его Пеня, богиня бедности, и зачала от него сына. Имя же сыну — Эрот. Потому что отец его богат, а мать — нищенка, он вечно домогается и стремится. К чему стремится? К прекрасному. Ведь зачали его в день, когда рождена Афродита. Поскольку же мудрость — самое прекрасное, то Эрот — философ. По-гречески философ — «обожатель мудрости», а вовсе не мудрец. Томление его бесконечно, как бесконечно познание.

На трапезе в Неардее речь также шла о любви. Сказал рабби Ицхак: «Стоит кому-то произнести «Рахав, Рахав», как сразу происходит у него семяизвержение». Ответил ему рав Нахман: «Я признаю, и хоть бы что!» Рабби Ицхак разъяснил: «Это я сказал о том человеке, который сошелся с Рахав, познал ее и упоминает ее имя». Рахав же была блудница, в доме которой спрятались еврейские шпионы, а она их не выдала своим, жителям Иерихона. Когда затрубили трубы и пали стены города, евреи оставили Рахав и ее родню в живых. И не только это — в «Сифрей» сказано, что восемь священников и восемь пророков были ее потомками. А в Евангелии от Матфея (1:5) Рахав названа матерью Боаза, того самого, что выкупил Руфь и женился на ней, и от него пошел род царя Давида.

Если кого-то удивляет, что блуднице выпала такая честь, то вот другая женщина, которая оделась, как блудница, и села у дороги, как блудница, а от нее произошло колено Йеудино. Из этого колена вышел царь Давид и выйдет Мессия, помазанник. Звали ее Тамар, и свекром ее был сам патриарх Йеуда. Когда его первый сын умер, Йеуда по обычаю *ибума* отдал Тамар своего второго сына, но умер и второй. Третьего же сына он не хотел отдавать. Вот тут-то Тамар оделась блудницей и села у дороги, чтобы соблазнить собственного свекра. Рабби Йоханан учил, что Йеуда хотел пройти мимо, но Святой, благословен Он, послал к Йеуде ангела вожделения, и тот сказал: «Йеуда, куда ты идешь? Не туда ли, откуда выйдут цари и избавители?» Так в Берешит раба, 85:8.

Через три месяца, когда увидели, что Тамар беременна, хотели ее сжечь. Но она показала три знака, которые Йеуда оставил ей. Что за знаки? Печать, шнур и жезл. Шнур — это мудрецы Синедриона, ведь они удлиняют бахрому на одежде своей. Жезл — царь-помазанник, Мессия. Ведь сказано в псалме (110:2): «Жезл силы твоей пошлет Господь из Сиона!» А о печати сказано в Песни Песней (8:6): «Положи меня печатью на сердце твое, печатью на руку твою, ибо сильна, как смерть, любовь...»

Историю Тамар и Йеуды мидраш толкует как историю любви, а плод этой любви — царь-помазанник, Мессия. И не только это — всю историю Израиля мидраш делает историей любви. Для

этого он переводит «Песню моря» в Шир а-ширим (Песнь Песней). «Песню моря» пел Моше, когда Господь потопил колесницы фараона и войско его, а Шир а-ширим сложил царь Шломо на радость Шуламит. И в Шир а-ширим (5:9) мы читаем слова, обращенные к Шуламит: «Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин?» Истолковал рабби Акива словами из «Песни моря»: «Это Бог мой, и воспою красу Его». Народы мира спрашивают Израиль: «Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных? Ведь вас убивают за Него, ибо сказано “За Тебя убивают нас всякий день” (Теилим, 44:22)? Ведь вы красивы и сильны, придите и смешайтесь с нами!» И Израиль отвечает им: «Знаете ли вы Его? Мы расскажем вам. “Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других: голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон...” (Шир а-ширим, 5:10-11)». Когда слышат это народы мира, говорят Израилю: «Мы пойдем с вами, как сказано: “Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? Куда обратился возлюбленный твой? Мы поищем его с тобою” (Шир а-ширим, 6:1)». Израиль же говорит им: «Нет вам доли в Нем, как сказано: “Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему” (Шир а-ширим, 2:16, 6:3)». Так в Мехильте.

И вот чему Диотима учила Сократа: любовь есть стремление к прекрасному, сначала — к прекрасным телам, а потом — к истинно сущему. И для платоников любовь к Богу есть любовь к

прекрасному, и для них «возлюбленный мой бел и румян». Но нет в мидраше платонического «потом» и «сначала». Нет лифта, подъема от плотской любви к духовной, но все дано смертельно и сразу: любовь Израиля к Богу и любовь девушки к юноше. Потому и сказано: «Положи меня печатью на сердце твое, печатью на руку твою, ибо сильна, как смерть, любовь...»

«Откуда же эта печаль, Диотима?» — спрашивает поэт, подозревая происки Мэри-арфистки, поющей «уныло и протяжно». Или он имеет в виду флейтистку, которую Алкивиад привел на пир? Эти пиры всегда в соседстве с чумою, всегда двоятся. То ли чума в Афинах при Перикле, то ли чума в Римской империи в правление Марка Аврелия. Платоновский пир, прототип всех пиров, завершился странной мыслью Сократа: один и тот же человек должен быть и комическим поэтом, и трагическим. И на пире богов, по словам Диотимы, был зачат странный демон — сын богача и нищенки, не мудрец и не глупец, вечно ищущий того, чего нельзя достичь.

И таков же был пир Авуи в честь обрезания его сына Элиши, того самого, что сначала стал знаменитым мудрецом, а потом сложил с себя иго Торы, и за это был прозван Ахер — «Другой». И он был учителем рабби Меира. Как-то раз Ахер ехал на лошади в субботу. Пришли и сказали рабби Меиру: «Там — твой учитель». Вышел рабби Меир, и Ахер спросил его: «Какие слова Торы ты толковал сегодня?» Ответил рабби Меир: «Конец дела лучше его

начала» (Коелет, 7:8). Сказал Ахер: «Конец дела хорош, когда начало было хорошим. А вот что случилось со мной. Мой отец Авуя был знатен в Иерусалиме. Когда настал день моего обрезания, он позвал всех знатных людей Иерусалима и посадил их отдельно, и позвал рабби Элиэзера и рабби Йеошуа и посадил их отдельно. Только знатные гости наелись и напились, они начали плясать и топтать ногами. Увидел это рабби Элиэзер и сказал рабби Йеошуа: “Пока эти заняты своим делом, мы займемся своим”. Сели и занялись словами Торы — от Пятикнижия к Пророкам и от Пророков к Писаниям, и сошел огонь с небес и окружил мудрецов. Спросил их Авуя: “Господа, вы пришли сжечь мой дом?” “Боже упаси, — ответили те. — Мы сидели и занимались словами Торы — от Пятикнижия к Пророкам и от Пророков к Писаниям, и слова веселились, словно только что даны на Синае, и огонь пылал вокруг нас, как пылал на Синае, а на Синае — разве не в огне они даны? Ведь сказано: „А гора пылала огнем до сердца небес“ (Дварим, 4:11)”. Мой отец, Авуя, сказал им: “Господа, раз такова сила Торы, то, если этот сын мой будет жив, я отделию его для Торы”. Поскольку же намерение моего отца не ради Небес было, то и не исполнилось оно». Так в Иерусалимском Талмуде, в трактате «Хагига».

А рабби Элиэзер и рабби Йеошуа вместе с другими мудрецами — рабби Эльазаром бен Азарьей, рабби Акивой и рабби Тарфоном — пировали еще в Бней-Браке. Они возлежали на ложах в трикли-

нии всю пасхальную ночь и рассказывали об Исходе, пока не пришли их ученики и не сказали им: «Учителя наши, настало время утреннего чтения “Шма”». А в «Шма» есть такие слова: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем своим, и всею душою твоею, и всем лучшим, что есть у тебя» (Дварим, 6:5). И заповедь об этих словах: «И повяжи их как знак на руку твою...» (Дварим, 6:8). То есть повяжи на руку тфилин, черные коробочки со словами Торы. Рабби Берахья отнес заповедь о тфилин («на руку твою»!) к словам из Шир а-ширим: «Положи меня печатью на сердце твое, печатью на руку твою, ибо сильна, как смерть, любовь...» Так в мидраше на Шир а-ширим.

Мы на пиру, господа. Мы в вековом прототипе.
Лехаим, господа, лехаим!

ТРИМАЛЬХИОН

*Но всех уютней (бездомней),
зловещей всего человек.*

Бросается в зимние волны

При зимних штормах, в непогоду...

«Антигона» Софокла

в толковании Мартина Хайдеггера,

«Введение в метафизику».

Перевод с немецкого Н. О. Гучинской.

Сказано поэтом: «Бросьте баркас в басурманское море». Бросили. И вот история о корабле язычников, что плыл в Великом море. А на корабле был один еврейский юноша. Поднялась на них в море великая буря. Что они сделали? Каждый схватился за своего идола, но без толку. Тогда сказали еврею: «Почему ты не встанешь и не помолишься?» Он встал, помолился, и море успокоилось. Когда же пришел корабль в порт, каждый сошел на берег, чтобы купить себе все, что нужно. Спросили еврея: «Неужели ты ничего не хочешь купить?» Ответил он им: «Что вы хотите от бедного чужеземца?» Сказали ему: «Это ты-то бедный чужеземец? Вот эти — их боги в Вавилоне, а сами они здесь. Эти — их боги в Риме, а сами они здесь. Ты же — куда ни пойдешь, твой Бог с тобой!» И потому написано: «Есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его?»

(Дварим, 4:7). Так в Иерусалимском Талмуде (Брахот, 9:1).

Удивительно! Что же это за юноша такой? Почему он не сошел на берег? Разве он не знает, что в каждом порту есть синагога, есть лавка с кошерным мясом, есть стол и кров для еврея? Ведь вот он называет себя «чужеземец», *ахсанай* — от греческого слова *ксенос*. Но в Талмуде и «гостеприимство» — *ахсанья*, от греческого слова *ксения*. Евреи гостеприимны к евреям, особенно же к ученикам мудрецов, к тем, кого называют *цурба ме-рабанан* — «раввинская косточка». Как-то раз собрались наши наставники и начали хвалить *ахсанью*. Сказал рабби Авин, левит: «Каждый, кто наслаждается пиром с учениками мудрецов, как будто наслаждается сиянием Шхины, ибо сказано: “И пришел Аарон и все старейшины Израиля есть хлеб с тестем Моше перед Богом” (Дварим, 18:12). А разве перед Богом они ели? Ведь они перед Моше ели! Но в Торе написано “перед Богом”, чтобы научить тебя, что каждый, кто наслаждается пиром с учениками мудрецов, как будто наслаждается сиянием Шхины». Шхина же есть Присутствие Господне (Брахот, 64а).

Корабли пашут килями Великое море, везут на себе евреев и язычников, юношей и их наставников. Скорее, скорее, им нельзя опоздать на пир! Ведь каждый, кто наслаждается обществом мудрецов, приобщается к красоте и истине. И вот четверо входят на пир в богатый дом: Энколпий, Асклит, Гитон и Агамемнон. Агамемнон — ритор

и учитель риторики, Асклит и Энколпий — молодые люди, получившие изрядное образование, а Гитон — юноша 16 лет, предмет страсти и ревности Асклита и Энколпия. Что же до хозяина дома, Тримальхиона, то его жизнь изображена у входа, на стенах портика. Здесь нарисован невольничий рынок, юный Тримальхион, кудрявый раб, вступающий в Рим, и он же через пару лет в роли раба-казначей. А теперь, много лет спустя, он сам — владелец рабов, латифундий и погребов со старым фалернским вином. И хотя Тримальхион и велел написать на своей могиле, что никогда не слушал философов, здесь, на пиру, он ценит мудрость и изящество. Потому и пригласил Агамемнона и его друзей. Но *контroversии*, школьные упражнения Агамемнона на судебные темы, Тримальхиону не понравились. Лучше расскажите нам, профессор, о странствиях Улисса, как ему Полифем палец щипцами вырвал!

Да и гости на пиру похожи на хозяина. Один из них разгневался на Асклита и Гитона. Подумаешь, эти образованные! А умеют ли они вычислять проценты в деньгах и весе? Ах, они рождены свободными римлянами, римскими всадниками! А может, мы царские дети? Ведь и имя Тримальхион значит «Трехцарственный». *Малка* — по-арамейски царь. Увы, увy, прав этот гость. На самом деле Асклит, Гитон и Энколпий — проходимцы, бегущие из города в город от гнева обманутых клиентов и оскорбленных богов. И буря их не потопит. Спасутся с тонущего корабля и —

опять за свое плутовство. Такими их выставил в романе «Сатирикон» Петроний Арбитр. Да и сам Петроний был из их числа. Арбитр вкуса, соратник Нерона по разврату и роскоши, покончивший с собой по приказу императора.

А вот что рассказал рабби Хия бар Абба о еврейском пире: «Как-то раз пригласил меня один человек в Лаодикее и поставил перед нами круглый стол об одиннадцати ножках, а на нем — все, что сотворено в шесть дней творения. И мальчик, сидя посредине стола, возглашал: “Земля, и все изобилие ее, и все живущие на ней — все принадлежит Господу” (Теилим, 24:1). И почему же он возглашал это? Чтобы хозяин дома не возгордился. Спросил я хозяина дома: “Сын мой! За что удостоился ты такой чести?” Ответил тот: “Я был мясником. И всю неделю лучшие куски говядины я откладывал на субботу”». О таких, как этот мясник, мы читаем: «Рабби Ишмаэль, сын рабби Йоси, спросил Йеуду Князя: “За какие заслуги евреи в Вавилоне живут долго?” Ответил Йеуда Князь: “За то, что учат Тору”. — “А в Земле Израиля?” — “За то, что отделяют десятины”. — “А во внешнем мире?” — “За то, что чтут субботы и праздники”» (Берешит раба, 11:4).

«Внешний мир» — это неприютный мир двух империй — Римской (за пределами Земли Израиля) и Сасанидской, Персидской (за пределами Вавилона). Там евреи не учат Тору, не отделяют десятину для священников давно сожженного Храма. Там нужно много удачи и труда, чтобы из рабов

выбиться в хозяева. А когда выбьешься, приглашаешь заезжих ученых гостей, сажаешь мальчика посередине стола, велишь ему читать наизусть Тору. И стол твой круглый — *дискос* по-гречески, и яства на нем — яства кошерные, и гости возлежат в пиршественной палате — триклинии — на ложах, убранных подушками. А что мальчик читает Тору, так это не только удерживает тебя от гордости, но и услаждает твой слух. Как Тримальхиону скучны школьные судебные контroversии, так и тебе скучны алахические тонкости. Вот веселые и страшные истории — это тебе по вкусу. Может быть, даже прочтут тебе по латыни услужливые рабы «Библейские древности», книгу увлекательную и подробную. Говорят даже, что ее написал некий Филон.

Трактат «Гитин» полон историй о евреях, взятых в плен и уведенных во «внешний мир». Например, там есть история о любовных амулетах, средствах к возбуждению желания: «Раньше знатные римляне брали с собой на брачное ложе перстни с геммами, ныне же привязывают сынов Израиля к спинкам кроватей» (58а). В такой позиции сыны Израиля, прекрасные юноши, учат Тору. И вот история о четырехстах мальчиках и девочках, которых везут на корабле для разврата. Сначала бросились в море девочки. А потом мальчики применили логический прием «от легкого к более строгому»: если девочки, созданные для близости с мужчиной, поступили так, то мальчики, для этой близости не созданные, тем более должны посту-

пить так. И бросились в море (376). Или история о том, как рабби Йеошуа бен Хананья отправился в великий город Рим. Сказали ему: «Есть в городе юноша с прекрасными глазами. Красив он, и вьются волосы его». Рабби Йеошуа выкупил юношу, и тот стал знаменитым ученым, рабби Ишмаэлем бен Элишей. И были у рабби Ишмаэля двое детей — девочка и мальчик. Они попали в плен и оказались у разных хозяев. Однажды хозяева встретились. Один сказал: «Есть у меня раб, красивее которого нет во всем мире». Другой сказал: «Есть у меня рабыня, красивее которой нет во всем мире. Давай поженим их и поделим приплод». Всю ночь сидели брат и сестра в разных углах комнаты, а утром узнали друг друга и умерли (58а). В ми-драше «Эйха раба» эту же историю рассказывают о детях рабби Цадока.

Или вот история о дочери первосвященника. Тот, кто взял ее в плен, всю ночь насиловал ее, а наутро надел на нее семь одеяний и вывел на продажу. Подошел один урод и сказал: «Покажи мне красоту ее». — «Пустой человек, если хочешь взять ее — бери, ибо нет красивее ее в целом мире». — «И все-таки я хочу видеть ее». Снял с нее продавец шесть одеяний, а седьмое разодрала на себе она сама, вывалялась в пыли и сказала: «Владыка мира! Пусть нас Ты не пожалел, но почему к святости Имени Твоего нет у тебя жалости?» И ее оплакивает пророк Ирмеяу: «Дочь народа моего, опояшься вретischem и вываляйся в пыли, скорби, как скорбят о единственном сыне, причитай

горестно, ибо внезапно губитель придет на нас» (6:26). Сказано не «на тебя», а «на нас», то есть и на Меня, и на тебя придет губитель! На Израиль и на Святого Израилева.

Губитель приходит на прекрасных возлюбленных из Шир а-ширим: на Шломо и Шуламит, на Господа и Его народ. И если мы найдем в этих историях только свидетельства разврата в Римской империи, то ошибемся, не заметим сияния красоты, о котором Талмуд твердит неустанно. Ведь не впустую сказано, что «каждый, кто наслаждается пиrom с учениками мудрецов, как будто наслаждается сиянием Шхины». Платон же полагал, что сияющую красоту видели наши души за небесной грядой. Когда же души упали в тела, мы стали видеть сияние красоты телесным зрением. Глядя на красоту юноши, душа согревается, избавляется от муки и радуется. Но это лишь первый шаг к созерцанию красоты самой по себе, созерцанию не телесному, а умственному, доступному лишь тем, кто ищет мудрости. Так в диалоге «Федр». Что же, неужели мы скажем, что есть в Талмуде «платоническая любовь»? *Хас ве-халила*, да не будет! А о том, что есть общего между Талмудом и Платоном, — об этом все мои эссе.

Пьяный силен

*Хотите —
буду от мяса бешеный
— и, как небо, меняя тона —
хотите —
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а — облако в штанах!*

В. Маяковский.
Облако в штанах

В юности это были мои любимые стихи. Их медицинский аспект стал мне ясен, когда я прочел «И восходит солнце» Хемингуэя. В русском переводе роман назывался «Фиеста». Человек получил глупое ранение во время бегства на Итальянском фронте. У такого человека есть лишь одно утешение, да и то отложенное: Господь даст ему «руку и имя» или «место и имя», по-еврейски — *яд ва-шем* (Йешаяу, 56:4-5). Впрочем, это касается только тех евнухов, которые «крепко держатся завета Моего».

Здесь самое время сказать что-нибудь банальное и плоское. Например: плотский Израиль — духовный Израиль. Плотский Израиль — евреи, духовный — христиане. Евреи рожают детей, чтобы достичь телесного бессмертия в поколениях. Христиане же идеалом считают монашество, а бессмертие чают в Царствии Небесном. И не только это — Ориген, отец церкви и светоч богословия, оскотил себя в молодости, чтобы исполнилось сказанное в

Евангелии: «Ибо есть скопцы, которые из материнского чрева родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф., 19:12).

Когда патриарх Деметрий изгнал Оригена из Александрии Египетской, тот поселился в Кесарии Приморской, столице римской провинции Палестина. И здесь общался с еврейскими мудрецами, у них учился и их учил. Но с рабби Йеошуа бен Кархой у него не было шансов встретиться — разрыв в два поколения. Так что анекдот из трактата «Шабат» (152а) не про Оригена, а про какого-то другого кастрата. И вот эта история. Некий кастрат спросил у рабби Йеошуа бен Кархи: «Сколько отсюда до Кархины?» Спросил с намеком, ведь *карха* — лысина, плешь, да и сам рабби был плешив. Ответил ему рабби Йеошуа: «Столько же, сколько до Гавзины». Это тоже намек, ведь *гавзаа* — кастрат, евнух. И услышал следующее заявление: «Плешивый козел стоит четыре динария». И ответил: «Холощенный козел стоит восемь». Заметил кастрат, что рабби Йеошуа босой, сказал ему: «На коне — царь, на осле — свободный, в обуви — просто человек, а тот, кто не имеет ничего из этого, — хуже мертвеца». «О евнух, евнух, — воскликнул рабби Йеошуа, — о трех вещах ты сказал, о трех вещах услышишь: красавица — борода, радость сердца — жена, “наследие от Господа — дети” (Теилим, 127:3). Да будет благословен Вездесущий, лишивший тебя всего этого». А что евнух, герой этой истории, — христианин, не-

сомненно. Ведь несколько раз называет его рабби Йеошуа еретиком, отступником (*минаа*).

В этой оппозиции плотского и духовного не все так просто. «Духовный» здесь, конечно, кастрат. А «плотский»? Лысый босяк и грубиян, как сказали бы наши одесские предки. И не он один такой. Вот и рабби Йеошуа бен Хананья был на редкость уродлив. Спросила его дочь кесаря: «Как это так? Прекрасная мудрость в безобразном сосуде!» Ответил ей рабби: «Посмотри на дом своего отца. Где там хранится вино?» «В глиняных сосудах», – сказала она. «Весь мир хранит вино в глиняных сосудах! Неужели и кесарь тоже? Нет, вам надо хранить вино в золотых сосудах и серебряных», — заметил рабби. Перелила она вино в золотые и серебряные сосуды, и оно скисло. Сказал ей рабби Йеошуа бен Хананья: «Так же и наше учение!» «Но ведь есть среди ученых людей и люди красивые», — сказала дочь кесаря. Ответил ей рабби Йеошуа: «Безобразными они были бы еще ученее!» Таков рассказ из трактата «Недарим» (50б).

Эти еврейские шуточки мы где-то уже слышали. Где-то уже читали про лысого, с шишкой на лбу, босого мудреца с выпученными глазами и вздернутым носом. Совсем как пьяный силен из тех, что гоняются за нимфами. Но раскройте его, как раскрывают фигурку козлоногого силена или сатира. В таких фигурках греки хранили благовония и драгоценности. Сократ же полон мудростью и добродетелью. И отношение к юношам у него самое платоническое. Ведь для него важна красота сама по себе,

а не плотская любовь. От плотской любви он бежит, оставляя Алкивиада в недоумении. В переносном смысле он — скопец, хотя у него есть жена Ксантиппа и трое сыновей. Молится же он так: «Милый Пан и другие здешние боги, дайте мне стать внутренне прекрасным! А то, что у меня извне, пусть будет дружественно тому, что у меня внутри».

С фигуркой силена Сократа сравнил Алкивиад в диалоге «Пир». Сам себя Сократ сравнивал с оводом, который приставлен к афинянам как к коню, благородному, но обленившемуся от тучности. Вот и носится овод по городу, жалит, задает вопросы, слова не говорит в простоте, строит свои парадоксы и логические ловушки. Донимает почтенных афинян, привыкших думать банально, жить банально и судить банально. И потому дом его заброшен, жена его Ксантиппа зудит от бедности и вредности. А поэт так описал полет и укусы овода:

*Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца
лоскут...*

Что же до наших мудрецов, то вы не найдете у них банальности и пошлости. Каждый мидраш — парадокс. А что такое парадокс? *Пара-доксос* — против доксы, против пустой видимости и вульгарного общего мнения. И вот пример. Сказал Реш Лакиш: «Пойдем и поклонимся отцам нашим. Если бы не

согрешили они с золотым тельцом, мы не родились бы на свет. Ибо написано: “Сказал Я: Боги вы, и все вы — сыны Всевышнего. Но вы умрете как человеки...”» Пока не согрешили евреи с золотым тельцом, они были сыновьями Всевышнего, смерти были не подвержены подобно ангелам, но и не рождали, как не рожают ангелы. А когда согрешили — стали умирать «как человеки» и детей рожать «как человеки». И от них рождены мы — Израиль. И потому будем благодарны нашим отцам за их грех! Так в трактате «Авода зара» (5а).

В трактате «Йома» (69б) рассказано, как во времена Эзры евреи просили Господа избавить их от Страсти к разврату. Помолились, и Страсть к разврату была отдана им на расправу. Сказал евреям пророк Зхарья: «Смотрите, если убьете ее, мир перестанет существовать!» Они связали ее на три дня, кинулись искать свежие яйца и не нашли во всей Земле Израиля. Воскликнули: «Что делать нам теперь? Убьем ее — мир перестанет существовать!» Выкололи ей глаза и отпустили. И всего прибýtка, что мужчины больше не соблазняются кровными родственницами!

Задолго до Бернарда де Мандевиля с его «Басней о пчелах» догадались наши мудрецы, что из частных пороков следуют общественные добродетели. И так истолковали слова Торы «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»: и добродетели хороши, и пороки (и хорошие, и дурные склонности)! А разве пороки могут быть хорошими? Конечно, нет! Но без них не строил бы человек себе дом, не

брал бы жену, не рождал бы детей, не занимался бы торговлей. И мудро сказал Шломо: «Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах — от зависти человека к ближнему своему» (Коелет, 4:4). Это в Берешит раба (9:7). Общество не может существовать без зависти и без похоти. Такой парадокс.

И на том спасибо, что от страсти к идолослужению избавил Господь евреев. Ведь и пророчество иссякло, и Храм разрушен, и царства больше нет. Но есть неистовая любовь к Торе, и есть «окровавленный сердца лоскут», чтобы дразнить заживевшую мысль. Вопреки выгоде и обыкновению. Совсем как дразнили красной тряпкой быка на корриде в романе Хемингуэя «И восходит солнце». Там рассказано о бедном Джейкобе Барнсе, получившем смешную рану в Италии. Эта рана избавила его от похоти и причислила к потерянному поколению. Потерянным поколением были они все, по слову Гертруды Стайн. Поколение Джейкоба. Джейкоб — это Яков, тот самый Яков, который после схватки с ангелом стал называться Израилем. «У вас ужасно ветхозаветное имя, Джейк», — заметила Бретт.

И название у романа ветхозаветное, и эпитафия взята из книги Коелет вместе со словами американской еврейки Гертруды Стайн о потерянном поколении: «Поколение проходит, и поколение приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит». И нет смысла возвращаться в Париж. Ведь это было бы продолжением фиесты, возвращением на пир.

Миф

Вот книга А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» — шедевр феноменологической герменевтики. Миф является и смотрит нам в глаза. Заглянем же ему в глаза и мы, тем более что время того требует: 1930 год. «Я беру миф так, как он есть, — говорит Алексей Федорович, — то есть хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе и как он мыслит сам свою чудесную и сказочную природу».

И как же он ее мыслит? Как жизненное отношение к окружающему. Для мифического сознания все явлено и ощутимо. Но хотя миф чувствен, ощутим, осязаем, видим, в нем есть нечто отрешенное от обыкновенной действительности, нечто высшее и глубокое в иерархическом ряду бытия. «В мифологии налична какая-то необычность, новизна, небывалость, отрешенность от эмпирического протекания явлений. Это, вероятно, и заставляло многих отождествлять мифологию с метафизикой <...> Миф содержит в себе момент

сверхчувственный, который является как нечто странное и неожиданное», как символ.

И потому, что миф есть «жизненное отношение к окружающему», надо верить ему. Надо верить своей ненависти к электричеству. Алексей Федорович не любит электричество. «В нем нет благодати, а есть хамское самодовольство полузнания; нет чисел, про которые Плотин сказал, что это — умные изваяния, заложенные в корне вещей, а есть бухгалтерия, счетоводство и биржа; нет теплоты и жизни, а есть канцелярская смета на производство тепла и жизни; не соборность и организм, но кооперация и буржуазный по природе социализм. <...> Нельзя молиться при электрическом свете, а можно только предъявлять вексель. Едва теплющаяся лампадка вытекает из православной догматики с такой же диалектической необходимостью, как царская власть в государстве или как наличие просвирни в храме и вынимание частиц при литургии. Зажигать перед иконами электрический свет так же нелепо и есть такой же нигилизм для православного, как летать на аэропланах...» За эту книгу Алексей Федорович попал в ГУЛАГ и потерял зрение на строительстве Беломорканала.

1929 год. Диспут в Давосе на фоне снежных альпийских вершин. Мартин Хайдеггер против Эрнста Кассирера. Кассиреру еще надлежало сойти вниз, бежать из Германии в Англию, из Англии — в Швецию, из Швеции — в Америку и умереть полузабытым. Хайдеггеру же предстояли должность ректора во Фрейбурге, членство в нацистской пар-

тии и всемирная слава, делящаяся до наших дней. В Давосе они спорят о наследии Канта. Но публика видит тени мифа за спинами спорящих. Высокий седой Кассирер, ясный и правильный, как его философия. Коренастый сумрачный Хайдеггер, гений которого не терпит ясности, а речь завораживает. Уж не Аполлон ли и Дионис явились к нам на швейцарский курорт?

И вот речь Диониса: «Европа, всегда готовая в неизлечимом ослеплении заколоть самое себя, находится сегодня в гигантских тисках между Россией, с одной стороны, и Америкой — с другой. Россия и Америка суть, с метафизической точки зрения, одно и то же; безысходное неистовство разнузданной техники и построенного на песке благополучия среднего человека». Конечно, речь идет о том самом «буржуазном по природе социализме», о котором и Лосев писал с ненавистью. Буржуазность — в Америке, социализм — в России, все едино. И потому не спит фюрер, размыкает эти тиски, чтобы немецкий народ, помещенный в самую середину Европы, исполнил свое назначение, свою судьбу. Студенты несут по ночному Берлину факелы Диониса. И Хайдеггер читает лекции, доказывает, что в великой войне немцам нужны поэзия и философия, а не только пушки и масло. Это страшный миф, миф философа.

Верит ли философ в миф, который он сам же и сочинил? Верил ли Платон в Атлантиду и Демиурга, в миф о пещере и колеснице? Ответ мы находим в его диалоге «Тимей». И вот что там сказано.

В мире первичных идей и чисел умозрение не знает преград, постигая истинно сущее. Иначе — в том, что касается мира явлений. Здесь мы должны довольствоваться правдоподобным мифом, не требуя большего. Миф философа — притча, отблеск истины.

Пойдем с Сократом и учеником его Федром вдоль реки Иллис, присядем под платаном на берегу, поговорим о сияющей красоте, за которой устремляются колесницы душ до падения в тела. И послушаем сладкое пение цикад в летний зной. Ведь это не простое место, здесь, по преданию, северный ветер Борей похитил Орифию, дочку царя. Впрочем, Сократ не очень верит в предание, он слагает свой философский миф, притчу о колеснице. Наши же мудрецы полагали, что не рассказывают о Колеснице даже одному, разве что он умудрен и способен к самостоятельному постижению. Однажды путешествовал рабби Йоханан бен Закай со своим любимым учеником рабби Эльазаром бен Арахом. И речь у них зашла о Колеснице, которую видел пророк Йехезкель. Пока говорил рабби Эльазар, а учитель его сидел под масличным деревом, сошел огонь с небес, и пламя охватило все деревья кругом. И деревья запели гимн. Так в талмудическом трактате «Хагига» (14б).

Подобно колеснице, душа мудреца окрыляется, стремится ввысь. И вдруг наталкивается на уродство. Как это случилось с рабби Элизером, сыном рабби Шимона, когда он верхом на осле возвращался из дома учения вдоль берега реки. И радо-

вался великой радостью, и надувался от гордости, потому что много учил Тору. Повстречался ему некто необыкновенно уродливый и сказал: «Мир тебе, рабби!» Рабби Элиэзер не поздоровался в ответ, но сказал: «Ну и уродлив же ты, пустой человек! В твоём городе все так уродливы?» «Не знаю, — ответил тот, — но скажи Мастеру, сделавшему меня: “Как уродливо твоё изделие!”» Рабби Элиэзер понял, что согрешил, сошел с осла, склонился перед тем человеком и сказал: «Я обидел тебя, прости». Ответил тот: «Не прощу, пока не скажешь Мастеру, сделавшему меня: “Как уродливо твоё изделие!”» Шел он за тем человеком до самого его города. Жители города вышли им навстречу и стали говорить: «Мир тебе, рабби, мир тебе, учитель!» «Кого вы называете “рабби и учитель”?» — воскликнул тот человек. — Поменьше бы было таких в Израиле!» — «Все же прости его, ведь он велик в Торе!» — «Ладно, ради вас прощу. Но пусть больше так не поступает!» И потому истолковали мудрецы: «Пусть всегда будет человек гибким, как тростник, а не жестким, как кедр». Это рассказано в трактате «Танит» (20б), где речь идет о засухе и посте. Назначают пост, потому что земля жаждет.

И в том же трактате (7а-б) есть толкование рабби Ханины бар Иди: «Почему слова Торы уподоблены воде, как сказано: “Жаждающие! Идите все к водам” (Йешаяу, 55:1)? Чтобы научить тебя, что как воды стекают с высот в низины, так и слова Торы наполняют только смиренного». И сказал рабби Ошай: «Почему слова Торы уподоблены воде,

молоку и вину, как сказано: “Жаждающие! Идите все к водам, даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте; идите, покупайте без серебра и без платы молоко и вино” (Йешаяу, 55:1)? Чтобы научить тебя, что как вода, молоко и вино хранятся только в простых сосудах, так и слова Торы наполняют только смиренного». И вот история о дочери кесаря, которая спросила рабби Йеошуа бен Хананью: «Как это так? Прекрасная мудрость в безобразном сосуде!» Ответил ей рабби: «Отец твой хранит вино в глиняных сосудах?» — «А в чем еще их хранить?» — «Вам, знатным людям, надо хранить вино в золотых сосудах и серебряных». Сказала она своему отцу, тот перелил вино в золотые и серебряные сосуды, и оно скисло. Спросил кесарь: «Кто научил тебя?» — «Рабби Йеошуа бен Хананья». Вызвали его. Спросил кесарь: «Зачем ты сказал ей это?» — «Затем, что она так спросила меня». — «Но ведь есть среди ученых людей и люди красивые?» — «Безобразными они были бы еще ученее!»

А в конце трактата «Таанит» мы учим такую мишну (4:8). Не было у Израиля лучших дней в году, чем Пятнадцатое ава и Йом Кипур. Выходили девушки иерусалимские и водили хороводы в виноградниках. И что же они говорили? «Юноша, подыми глаза свои и погляди, что выбираешь себе. Не смотри, красива ли девушка, но смотри, из какой она семьи. “Милovidность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы” (Мишлей, 31:30)». И еще сказано: «Дайте ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела

ее!» (Мишлей, 31:31). И еще говорит Писание: «Девушки сионские, идите смотреть на царя Шломо в венце славы его, что увенчала его мать в день свадьбы его, в день его сердечной радости» (Шира-ширим, 3:11). «День свадьбы его» — это день Дарования Торы. «День его сердечной радости» — это день, когда построен Храм, да будет он построен скоро, в наши дни.

Гемара толкует это так (31а). Красивые девушки что говорили? «Посмотри, красива ли девушка, ведь жена — красоты ради». Знатные девушки что говорили? «Не смотри, красива ли девушка, но смотри, из какой она семьи. Ведь жена — чтобы сыновей рожать». Уродливые девушки что говорили? «Возьмите нас в жены ради Небес, но только увенчайте нас золотом». Сказал Ула Бираа со слов рабби Эльзара: «В будущем Святой, благословен Он, устроит хоровод для праведников, сядет посреди них в Эденском саду, а все будут указывать на него пальцами, ибо сказано: “И скажут в тот день: вот Он, Бог наш! Мы надеялись на Него, и Он спас нас! Это Господь, мы надеялись на Него, будем радоваться, ведь Он спас нас!”» (Йешаяу, 25:9).

Праведники уподоблены уродливым девушкам, а будущий мир — тихой семейной радости. Там не будет засухи и поста, презрения и ненависти. И не станут бояться страшного мифа о Фаэтоне, сыне Гелиоса, который не удержал солнечную колесницу, испепелил посеvy и упал с возмущенных небес на бедную иссушенную Землю.

СЕСТРЫ

*Сестры — тяжесть и нежность,
одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных
носилках несут.*

<...>

*У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.
О. Мандельштам*

Поймем имена сестер. Я думаю, что «тяжесть» — это *форте*, а «нежность» — это *пиано*. Ведь «вчерашнее солнце на черных носилках» — пианист и композитор Скрябин. «Не солнце искупления, а солнце вины» — так писал о Скрябине (о его смерти) сам поэт. И еще он писал: «*Фортепьяно — это сирена*. Разрыв Скрябина с голосом, его великое увлечение сиреной пианизма...» Форте и пьяно, имена сестер и имя времени, которое пошло вспять. Таков для меня дословный смысл этих стихов, *пшат*, подсказанный статьей самого поэта. А все остальное — *мидраш*. Эссе о диалектике, о том, как «времени бремя избыть». На дно сосуда с медом тяжелым и вязким бросить медный грош неясного смысла, стертый абрис лица. И так писать историю, как Платон писал свои диалоги: продираясь сквозь заросли силлогизмов, сквозь каждый час жизни Сократа, особенно сквозь часы и минуты ожидания казни в диалоге «Федон».

Сократ давно осужден и выпил цикуту, но суд над ним никак не кончится. Суд над сократическим диалогом и диалектикой. «Ирония диалектики — это форма плебейской мести: угнетенные проявляют свою жестокость в этих холодных ударах ножом силлогизма...» Так говорит Ницше. И еще он говорит так: «Нужно очутиться в затруднительном положении, нужно стоять перед необходимостью насильственно добиваться своего права — только тогда можно воспользоваться диалектикой. Евреи поэтому и были диалектиками. Рейнеке-Лис — тоже, Сократ — тоже». И еще: «Софисты были греками; Сократ и Платон, ставшие на сторону справедливости, были евреями или не знаю чем». А кто такие софисты? Те, кто учил выступать в суде и народном собрании. Они создали риторику — искусство красноречия. На место справедливости и истины они поставили власть и успех. Так было принято считать, пока Ницше с его критикой морали и философии, Ницше с его «волей к власти» не оправдал софистов и вновь не осудил Сократа.

И в наши дни судят Сократа. Только уже с либеральных позиций. Выворачивают аргументы Ницше наизнанку, как старый грязный чулок. Этим заняты многие, в том числе и мой знаменитый коллега из Беркли, профессор Дэниел Боярин. Он обвиняет Сократа в том, за что Ницше хвалил софистов, и хвалит софистов за то, в чем Ницше винил Сократа. Для Ницше Сократ — мещанин с головы до ног. Софисты же — аристократы,

склонные не доказывать, а повелевать. Зачем доказывать, когда и так все ясно? В книге Боярина все обстоит ровным счетом наоборот. Сократ — враг демократии, а софисты — ее друзья. Софисты учили афинян искусству спора в народном суде и в народном собрании. Сократ же видел в народе собрание глупцов, взявшихся судить о том, чего не знают. И потому Сократ избегал публичных споров, длинных речей. Он предпочитал диалог речам, диалектику — риторике. Диалектика Сократа — это тирания логоса. Хитрыми трюками, короткими вопросами и ответами он заставлял слушателей признать его правоту, принуждал их к своей философии.

Мой коллега занимает должность профессора талмудической культуры на факультетах ближневосточных исследований и риторики. И поскольку он стоит на стороне риторики и евреев и не любит диалектику и Сократа, то он не считает Сократа евреем, а его диалектику — еврейским занятием, как это делает Ницше. Ведь это у эллинов логос свирепствует, а у евреев на пути логоса — преграда. Логос, пишет Боярин, аналог фаллоса, мужское орудие насилия. Наши же мудрецы к насилию склонны не были, да и к женщине относились с сочувствием.

Боярин читает диалоги Платона и ловит Сократа на ложных аргументах, на подтасовках и логических трюках. Значит, и сам Платон видел хитрость Сократа, замечал, что Сократ обманывал наивных афинян, очернял благородных софистов!

Видел и смеялся над своим учителем. Так думает мой коллега Дэниел Боярин. А у Деррида в «Почтовой открытке» мы находим Сократа, который склонился испуганно над листом бумаги и пишет что-то под диктовку своего сурового ученика Платона. Платон же «покрывает» Сократа со спины, так что все окружающие предметы (даже письменный прибор) «образуют некую совокупность фаллосов, направленных по единой директории».

«Тиранию логоса» профессор Боярин, наверное, взял у Ницше. Ницше писал о Сократе: «Поворот к безобразию: самовысмеивание, диалектическая черствость, ум в качестве тирана над “тираном” (инстинктом)». Или мой коллега позаимствовал мысль о «тирании логоса» у Эммануэля Левинаса, литовского еврея, ставшего французским философом? По мысли Левинаса, «в истории, понятой как проявление разума, само насилие выступает в качестве разума». Логос свирепствует, подавляя множественность, уничтожая частное как неверное. Это прямая дорога к Освенциму и Треблинке. Можно ли уйти от понятия тотальности, которое господствует в западной философии? И Левинас вспоминает про нежность, что стоит на границе с тяжестью, на грани «бесцеремонного», «откровенного». (Читал ли он Мандельштама?) Вспоминает о «вечной женственности», чтобы в союзе с ней преодолеть насилие логоса. Это и опыт любви к другому, и опыт бесконечно другого. «Но если назвать этот опыт бесконечно другого иудаизмом», — пишет о Левинасе Жак Деррида, — то все равно

придется «заимствовать средства у единственного философского логоса», у тиранических греков! Еврею придется говорить по-гречески. Нельзя молчать, надо философствовать. Иначе нас постигнет насилие, «которое угрожает тому, кто молчаливо предается другому в ночи». Нас постигнет участь женщины.

Но как не молчать, как философствовать, если сам Господь «поворачивает мудрецов вспять и знание их делает глупостью»? Здесь не поможет еврейская диалектика. Ведь молчал рабби Йоханан бен Закай, которого называли светочем Израиля, столпом праведности, молотом могучим. Под видом мертвого вынесли рабби Йоханана из осажденного Иерусалима. Он предстал перед Веспасианом со словами: «Мир тебе, царь!» Ответил ему Веспасиан: «Дважды ты заслужил смерть. Во-первых, не царь я, а ты назвал меня царем. А во-вторых, если царь я, почему ты не явился ко мне раньше?» На двойное обвинение рабби ответил двойным оправданием: «Если бы не был ты царем, Иерусалим не был бы отдан тебе в руки, ибо написано: “И Ливан перед могучим падет” (Йешаяу, 10:34), а могучий — это царь, властитель, ибо написано: “И некто могучий произойдет из него, и властитель его выйдет из его среды” (Ирмеяу, 30:21), а Ливан — это Храм, ибо написано: “Позволь перейти мне и увидеть землю прекрасную за Иорданом, гору прекрасную эту — Ливан” (Дварим, 3:25). Ведь прекрасная гора — это Храмовая гора в Иерусалиме. Что же до слов твоих “Если царь я, почему ты не

явился ко мне раньше?”, то разбойники, которые есть у нас, не позволяли мне явиться». Разбойниками рабби Йоханан назвал зелотов, еврейских повстанцев. Спросил его Веспасиан: «Если змея обвинилась вокруг горшка с медом, не следует ли разбить горшок из-за змеи?» Он имел в виду Храм, который надо разрушить, чтобы убить зелотов. Промолчал рабби Йоханан. И к нему рабби Акива отнес библейский стих: «Поворачивает мудрецов вспять и знание их делает глупостью» (Йешаяу, 44:25). Следовало ответить: «Надо взять клещи, взять змею клещами и убить ее, а горшок оставить целым».

Молчание рабби Йоханана — лишь эхо молчания Аарона, брата Моше. Когда Надав и Авигу, сыны Аароновы, принесли Господу огонь чужой, которого «Он не велел им», и вышел огонь от Господа и сжег их, и умерли они пред лицом Господа, тогда «молчал Аарон» (Ваикра, 10:1-3). Но и молчание Аарона бледнеет рядом с молчанием самого Святого, благословен Он. Когда ушел Веспасиан от стен Иерусалима в Рим получать власть, он поставил вместо себя Тита-злодея. Это тот самый Тит-злодей, что хулил и поносил Всевышнего. Что он сделал? Схватил блудницу, вошел в Свята святых, расстелил свиток Торы и лег с блудницей, и взял меч, и рассек храмовую завесу, и свершилось чудо, и проступила кровь. Аба Ханан сказал об этом: «“Кто силен, как Ты, Господь” (Теилим, 89:9), кто силен и тверд, как Ты, Господь, ибо Ты слышишь хулу и поношение этого злодея и молчишь». А в школе рабби Ишмаэля учили: «“Кто

из богов (*ба-элим*) сравнится с Тобой, Господь!» (Шмот, 15:11) — кто из немых (*ба-шлмим*) сравнится с Тобой, Господь!» Так в Талмуде, в трактате «Гитин» (56).

Голос Бога — «голос тонкой тишины» (Млахим I, 19:12). Это библейский оксюморон, сочетание слов с противоположным значением, обоюдоострый меч еврейской диалектики. Тишина, которая говорит и даже поет. Эхо безмолвия. И об этом сказал поэт:

*Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...*

РАДОСТЬ

Тревожащая необходимость жить, заискивая перед временем и людьми, сводя радость к небольшой хорошо охраняемой территории, к пространству Райского сада. Когда создал Господь Бог человека, Он вдунул ему в ноздри дыхание жизни. «На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло», — сказал человек. «За радость тихую дышать и жить / Кого, скажите, мне благодарить?» — спросил человек. И еще спросил: «Дано мне тело — что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим?» И сам же ответил: «Я и садовник, я же и цветок, / В темнице мира я не одинок».

Удивительно! Райский сад вдруг превратился в темницу, а первый человек, садовник Адам, — в Йосефа, Осипа. Осип Мандельштам и библейский Йосеф в одном лице. Его бросил Потифар в темницу, но в темнице поэт не одинок, ведь написано, что «Господь был с Йосефом» (Берешит, 39:21). И потому сказано в псалме: «И тьма не скроет

меня от Тебя» (Теилим, 139:12). Но если человек сам и садовник, и цветок, то и в темнице он наедине с собой, сам себе составляет компанию. Сам себя он растит в Райском саду у истоков четырех рек. И нет другого Садовника.

А ведь в псалме сказано: «Насадивший ухо не услышит ли? Сотворивший глаз не увидит ли?» (Теилим, 94:9). Филон Александрийский в трактате «О земледелии Ноя» истолковал это так. Бог, вспахав наше тело как тучную почву, насадил в нем растения полезнейшие: слух в ушах, зрение в глазах, нюх в ноздрях. И не только в Адаме насадил, но выращивает в каждом из нас. Саду же Он дал имя «Эден» — «Наслаждение». Это есть символ души, упоенной добродетелями, скачущей от избытка радости, пренебрегающей ложными благами. И о наслаждении этом царь Давид пел в псалме: «Наслаждайся Господом» (Теилим, 37:4). Так писал Филон. А мы догадываемся, что за историю Филон имел в виду. Царь Давид скакал изо всей силы, когда несли ковчег в Иерусалим. Почти голый он скакал перед ковчегом, в льняном переднике. Жена же царя Михаль, дочь Шауля, увидев эти прыжки, возмутилась и назвала мужа пустым человеком. Его поведение казалось ей неприличным. Ведь она ценила не истину, а видимость, искусство политики.

Видимость ценил и Йосеф Прекрасный, Йосеф Праведный, тонкий политик и любимец женщин. Потому и сказано, что отец его Яков подарил ему разноцветную одежду. По мнению Филона Алек-

сандрийского, эта одежда — символ такой философии, которая считает высшими благами карьеру, богатство, здоровье и красоту. Братья же Йосефа, бросившие его в яму и продавшие его за двадцать серебряников, были, как считает Филон, привержены только добродетелям и только в добродетелях находили наслаждение. Ведь карьера, богатство и красота — вещи внешние, хрупкие и ненадежные. Какая же от них радость? Иное дело — блага души. Они зависят только от нас, они внутри нас. Когда Аарон видит брата своего Моше, он радуется в сердце своем (Шмот, 4:14). В самом себе радуется, добродетелью, праведностью наслаждается, а не внешними благами. Высшее же благо — познание Господа. Так в трактате Филона «О том, что худшее склонно нападать на лучшее».

По мнению Гегеля, отворачиваться от пестроты жизни, от разноцветья ее одежд — удел унылых стоиков. Они и свободным считали любого, кто свободен внутренне, будь он хоть трижды раб и в оковах. У них «свобода самосознания равнодушна к любому наличному бытию». «...Стоицизм есть свобода, которая всегда исходит непосредственно из себя и уходит обратно в чистую всеобщность мысли и которая как форма мирового духа могла выступать только в эпоху всеобщего рабства, но и всеобщего образования...» Согласимся с классиком. Ведь и мы жили в эпоху всеобщего рабства и всеобщей образованности, писали статьи и читали толстые монографии, уходя в чистую всеобщность мысли. С переменой возраста и сменой

эпох эту всеобщность мы утратили и разучились ценить, мы не хотим ее ценить. Нам подавай радость, как она есть, пусть даже придется занять у грядущих дней. Нам подавай не «темницу мира», а Будущий мир, где Бог устроит хоровод для праведников. Как сказано в конце трактата «Таанит» (31а): «В будущем Святой, благословен Он, устроит хоровод для праведников, сядет посреди них в Эденском саду, и все будут указывать на него пальцами, ибо сказано: “И скажет в тот день: вот Он, Бог наш! Мы надеялись на Него, и Он спас нас! Это Господь, мы надеялись на Него, будем радоваться, ведь Он спас нас!”» (Йешаяу, 25:9). В будущем весь мир станет Эденским садом. Вот только будущее не спешит наступить.

Утешимся же словами рава Нахмана бар Ицхака, которые завершают первую главу трактата «Таанит» (15а). Сказал рав Нахман бар Ицхак: «Не все — для света и не все — для радости. Праведники — для света, а прямые сердцем — для радости. Праведники — для света, ибо написано: “Свет посеян для праведников” (Теилим, 97, 1:1). Прямые же люди — для радости, ибо написано: “А для прямых сердцем — радость” (Теилим, 97, 1:1)». В этом мире праведники лишены радости — хватит им и света. А свет — это Тора, как сказано: «Ибо заповедь — светильник, а Тора — свет» (Мишлей, 6:23). Свет принадлежит ученикам мудрецов, которые учат Тору. Они и есть праведники.

А кто же «прямые сердцем»? Это люди простые и неученые, такие, как тюремщик из Хузистана,

что на юге Персии. Как-то раз рабби Брока гулял по рынку города Бей-Лефет в компании Элияу-пророка. Спросил он Элияу-пророка: «Есть ли на этом рынке люди, достойные войти в Будущий мир?» Тут показался кто-то, одетый как язычник: в черных башмаках и без голубых нитей по краю одежды. «Вот человек, достойный войти в Будущий мир», — сказал Элияу-пророк. Рабби подбежал к этому человеку и спросил: «Что за добрые дела ты делаешь?» Ответил тот: «Я тюремщик. В тюрьме я держу мужчин отдельно, а женщин — отдельно и свою кровать ставлю между ними, чтобы не было блуда. Если же замечаю, что иноверцы заглядываются на еврейку, то душу свою кладу, чтобы спасти ее». — «А почему ты носишь такую одежду?» — «Язычники не должны знать, что я еврей. Ведь я доношу мудрецам о жестоких указах язычников, а мудрецы просят о милости, и язычники отменяют свои указы». Тут Элияу-пророк показал еще двоих, кому суждено войти в Будущий мир. Рабби Брока подбежал к ним и спросил: «Что за добрые дела вы делаете?» — «Мы шуты, шутками утешаем удрученных. Если же замечаем, что двое ссорятся, стараемся помирить их». Так в трактате «Таанит», 22а.

В «темнице мира» у кого ключи от радости? Конечно, у шутов и тюремщиков. Недаром о Йосефе сказано, что Господь дал ему благоволение в глазах начальника темницы. И отдал начальник темницы в руки Йосефа всех узников, и во всем, что они там делали, Йосеф был распорядителем.

А почему праведники лишены радости в этом мире? Об этом я не хочу говорить. Что толку? Лучше расскажу о своем дяде Иосифе, младшем из трех братьев. Он был красив и хитер, мой дядя. Когда в Ханаане случился голод, Иосиф бежал в Египет и поступил во флот. В Умани, куда он приезжал на побывку, его называли «морьяк». Член ЦК профсоюза водников, курсант академии — вот кем был Иосиф. В тридцать восьмом году он угодил в яму, стал простым кочегаром. Но поднялся и в годы войны кормил людей в блокадном Ленинграде. Спас от голода многих, в том числе своего друга, писателя Зощенко. И еще он был великим соблазнителем женщин. Я мечтал стать таким, как он, а не таким, как мой несчастный ученый дядя Израиль, старший из братьев. Конечно же, все вышло иначе. К старости я все более узнаю в себе отца. Отец глядит на меня из зеркала, и во взгляде его я читаю укоризну. Он был средним братом, и звали его Бенцион.

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

— *Тема предложена мною. Я имел в виду показание Аврелия Виктора, который пишет, будто бы Клеопатра назначила смерть ценою своей любви и что нашлись обожатели, которых таковое условие не испугало и не отвратило.*

А. С. Пушкин.

Египетские ночи

Ужас египетских ночей сильно преувеличен. «Чертог сиял. Гремели хором певцы при звуке флейт и лир». Каждый сам выбирал жизнь и смерть по вкусу. Клеопатра (седьмая в своей династии) продавала любовь за опыт, за откровение на пороге смерти. Вот что писал о ней Аврелий Виктор: «Она отличалась такой похотливостью, что часто торговала собой, такой красотой, что многие покупали ее ночь ценою смерти». Когда рухнула ее держава, царица позволила аспиду ужалить себя и свела счеты с жизнью. У ее служанок и вовсе не было выбора. В Вавилонском Талмуде есть история о служанках Клеопатры (Нида, 30б). Этих рабынь присудили к казни и проверили, с какого дня в их чреве зародыши обретут человеческий облик. Наши мудрецы разошлись во мнениях. Мнения мудрецов таковы: и мужской зародыш, и женский творятся на сорок первый день, или же мужской — на сорок первый, а женский —

на восемьдесят первый. Конечно, рабыни могли отсрочить на сорок дней зачатие и исказить опыт. Но ведь их сторожили тюремщики! Так, но против блуда нет охраны — тюремщики сами могли сойтись с рабынями.

Неизвестно, какую Клеопатру мудрецы имели в виду. Может быть, речь шла о Клеопатре Второй, которая также была ученой и сильной женщиной, женой двух своих братьев. В этом нет ничего удивительного. Птолемеи женились на сестрах, как и подобает царям египетским. Когда умер старший брат Клеопатры, Птолемей Филометор, она воевала с младшим, Птолемеем Эвергетом, вышла за него замуж, вновь воевала и вновь мирилась. Когда еще был жив ее первый муж, в Египет из Иудеи бежал Хоньо, отпрыск древнего рода Цадокка. Жизнь Хоньо (или Онии, как его называли по-гречески) — череда несчастий и подвигов. Отец Хоньо (его тоже звали Хоньо) был первосвященником в Иерусалиме и погиб из-за интриги Шимона и Менелая из рода Бильга. Его убили в Дафнэ, в роскошном предместье Антиохии, столицы державы Селевкидов. Державу эту также называли Сирией, хотя Селевкиды унаследовали половину империи Александра Македонского. Юный Хоньо спасся от рук убийц, бежал в Египет и воевал с царем Сирии Антиохом на стороне Птолемея. Он храбро сражался во главе еврейских отрядов и просил у царей вернуть ему отцовский Храм. Если Иерусалим — в руках Антиоха, то пусть новый храм будет построен в Египте. Сохранилось

письмо Хоньо царю и царице и письмо царя и царицы Хоньо. Письмо же Хоньо Птолемею и Клеопатре таково:

Много потрудившись для вас с Божией помощью в делах войны в Финикии и Келесирии и прибыв с евреями в город Леонтополь, что в Гелиопольском номе, и в другие места <...> я обнаружил, что египтяне содержат большую часть своих святилищ неподобающим образом. Ведь из-за множества храмов и мнений о богослужении они враждуют друг с другом. Найдя подходящее место в крепости, названной по имени свирепой Бубастис, заросшее кустарником и кишашее священными животными, я прошу позволения, очистив бесхозное и разрушенное святилище, построить там храм Богу Величайшему по размеру и подобию Храма в Иерусалиме. Я имею в виду твое, о царь, и царицы, и детей твоих благо, чтобы евреи, живущие в Египте, собираясь в этом храме и пребывая в согласии друг с другом, служили тебе. Ведь и пророк Йешаяу предсказал (19:19): «Жертвенник Господу Богу будет в Египте». И многое другое он предсказал об этом месте.

Письмо это — пир изящной словесности. Взять хотя бы путь к единомыслию от разномыслия и взаимной вражды. Бубастис — богиня-охотница, которую эллины звали Артемидой, а римляне — Дианой. Что же до пророчества, то Хоньо цитирует из него лишь первый стих, намекая на «многое другое». Что же это за «многое другое»? предска-

зание пророка об обращении египтян и ассирийцев к Господу. Хоньо истолковал это так: оба враждующих царства обратятся к Господу — и Египет, и Сирия (и царство Птолемеев, и царство Селевкидов, которое Хоньо приравнял к Ассирии). Верно, это совсем не то, что царь и царица должны были услышать.

В ответ на послание Хоньо следует царское послание.

Царь Птолемей и царица Клеопатра желают Онии здравствовать! Мы прочли письмо, в котором ты просишь предоставить тебе разрушенное святилище, названное по имени свирепой Бубастис. Мы недоумеваем, будет ли угодным Богу строительство храма в непотребном месте, кишящем священными животными. Но поскольку ты говоришь, что пророк Йешаяу давно предсказал это, то мы даем свое позволение, если только это будет в согласии с Законом. Пусть никто не подумает, что мы согрешили против Господа».

Царь и царица не ссылались на запрет строить храм за пределами Иерусалима, но место казалось им непотребным. Ведь там кишели священные животные. А под «Законом» царь и царица имели в виду Тору.

Когда Тит-злодей разрушил Иерусалим, а прокуратор Флавий Сильва взял крепость zelотов Масаду, zelоты бежали в Египет. Там их схватили и пытали. И, чтобы не дать евреям новых поводов к

бунту, закрыли храм Хоньо в Леонтополе. Так сбылось и не сбылось пророчество. После того, как сбылось, — не сбылось. Устаревшие пророчества, жестокие опыты, крики наслаждения и боли — вот сцены египетской ночи. Сказано у Пушкина в отрывке «Мы проводили вечер на даче»: «Темная, знойная ночь объемлет африканское небо. Александрия заснула; ее стогны утихли, дома померкли. Дальний Фарос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовье спящей красавицы». Если верить Николаю Гумилеву, сюда из ада «по лестницам и коридорам» бежал, поднялся Дон Жуан. И немедленно встретил новый предмет страсти — американку, дочь миллионера, разбогатевшего на торговле свиньями. Дон Жуан немедленно стал склонять американку к бегству, заманивать ее:

*Земля во мгле;
Задумчивое устье Нила,
И я плыву на корабле,
Где вы сидите у ветрила.*

А вот и Лепорелло, слуга Дон Жуана, сделавший научную карьеру за время отсутствия господина. Он сам говорит о себе:

*К студентам строг
И враг беспочвенных утопий,
Я, господа, египтолог,
Известнейший во всей Европе.*

Теперь, когда он на ногах, он мог бы жениться на дочери миллионера (уже все было сговорено), если бы не бегство из ада того, кому Лепорелло служил в Севилье. Девушка бежала с соблазнителем. Но черт с ними, с наукой и невестой. Разве наука — не служанка поэзии? И Лепорелло восклицает под занавес:

*О, как хотел бы я, декан,
Опять служить у Дон Жуана!*

Это унижение египтологии, позор науки. А ведь науке хотелось бы достичь поставленной еще Гегелем двойной цели, сохранить в памяти свободное бытие, являющееся в форме случайности, и постичь историю в понятии, концептуально. Это Голгофа абсолютного духа, но и его действительность, истина и достоверность ее престола (я опять перефразирую Гегеля). Без игры случайностей, из которых состоит жизнь, говорит нам Гегель, наука остается одинокой. Как одинок был Лепорелло без Дон Жуана. Но и без дисциплины понятий, без восхождения к истинной сущности наука превращается в набор анекдотов и проповедей.

Поучимся же у наших мудрецов, которые нашли игру и забаву в мудрости и так создали Мидраш и Талмуд. О мудрости сказано в Торе: «И была я у Него *амон*, и была радостью всякий день, играя перед Ним всечасно» (Мишлей, 8:30). Понятно, что Мудрость — это Тора, что Тора была радостью и забавой у Господа, а что такое *амон*? *Амон* — «вели-

кая», как, например, «Александрия Великая». Откуда мы это учим? Из слов пророка Нахума (3:8): «Разве ты лучше Но-Амона, лежащего между реками, окруженного водою, которого вал было море и море служило ему стеною?» Египтолог скажет вам, что вовсе не об Александрии здесь речь, а о Фивах, столице фараонов. В Библии Фивы названы Но-Амон, город Амона, бараноголового бога. Но мидраш, играя словами и смыслом, переводит слова пророка так: «Разве ты лучше Александрии Великой, лежащей между реками?» (Берешит раба, 1:1).

Этот мидраш открывает и прячет смысл. Он намекает на войну Птолемея Филометора с Антиохом Эпифаном, когда Хоньо сражался на стороне египетских царя и царицы. У пророка Нахума (скажет нам любой египтолог) речь идет о древних делах, о войне Египта с Ассирией. Тогда Ашшурбанапал вторгся в Египет, прогнал фараона Тахарку и захватил стовратные Фивы. Но мы уже читали письмо Хоньо и знаем толкование пророчества Йешаяу. Не таково ли и толкование пророчества Нахума? Ассирия — это вовсе не Ассирия, а Сирия, держава Селевкидов. Египет — не фараоновский Египет, а держава Птолемеев. Как ассирийский царь Ашшурбанапал усмирил Египет и занял Фивы, столицу фараонов, так и Антиох Эпифан вторгся в Египет и занял Александрию Великую, хотя и лежала она между реками, окруженная водою, и валом ее было море и море служило ей стеной. И нет ли здесь намека на другой

город, на плач Ирмеяу об Иерусалиме? Об Иерусалиме (в женском роде) сказано: «Как одиноко сидит многолюдная <...> Княгиня над областями...» (Эйха, 1:1). Отсюда мы учим, что евреи находили предвечный план за случайностями наличного бытия. И так читали Тору.

Истинное, по словам Гегеля (из «Феноменологии духа»), должно показать себя как простое. «Оно в том и состоит, что уходит назад в простоту». Пастернак так перевел слова философа: «В родстве со всем, что есть, уверяясь // И знаясь с будущим в быту, // Нельзя не впасть к концу, как в ересь, // В неслыханную простоту». Но как же найти дорогу к простоте во тьме египетской ночи?

НАДЕЖДА

*И снял фараон перстень свой
с руки своей и надел его на руку Йосефа;
одел его в виссонные одежды,
возложил золотую цепь на шею ему;
велел везти его на второй из своих
колесниц и провозглашать перед ним:
«На колени»! И поставил его
над всю землю Египетской.
Берешит, 41:42-43*

Тиберий Юлий Александр, племянник Филона Александрийского, сбросил с себя иго Торы и пошел по пути зла. При Клавдии он сделался прокуратором Иудеи. Нерон поставил его префектом над Александрией и Египтом. При Флавиях он стал префектом претория — министром внутренних дел. Отец его, брат Филона Александр Лисимах, был набожным евреем, хотя и служил императорам. Как он воспринял переход сына в язычество? Мы не знаем, но догадываемся. В трактате «О сновидениях» (II, 141) Филон говорит о сне Йосефа, который тот видел, когда был еще молод и жил со своим отцом Яковом и с братьями. В этом сне солнце и луна поклонились юноше. «И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его и сказал ему: “Что это за сон, который ты видел? Неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли?” Братья его досадовали

на него, а отец его заметил это слово» (Берешит, 37:10-11).

Так в Торе. А в греческом переводе Торы, Септуагинте, сказано: «А отец его промолчал». Филон объясняет природу этого молчания, намекая на брата и на племянника. Вот как благочестивый отец должен был смотреть на сына, юного карьериста: «Душе не бесплодной, не скопческой и не отроческой, но зрелой и опытной в родах, свойственно быть осторожной с близкими, никого не презирая, но трепеща перед силой Господа, от которой и бежать нельзя, и победить которую немислимо. Такая душа осматривается вокруг себя, чтобы узнать, что станет с ней в конце. Поэтому говорит Тора (Шмот, 2:4), что сестра Моше, которую мы иносказательно именуем Надеждой, издалека высматривала, каков будет конец жизни, чтобы конец этот оказался благоприятным по милости Того, Кто посылает с небес всяческое окончание».

Удивительно! Разве об этом сказано в Торе? Ведь Мирьям издалека высматривала, чтобы узнать, что станет с младенцем Моше, брошенным в реку, а вовсе не разведать, каков будет конец его жизни, что случится с ним в старости! Но Филон относит слова Торы к Яакову, отцу Йосефа, которому на старости лет, когда позади уже были и бегство, и труд, и схватка у потока Яббок, теперь предстояло еще одно испытание. «Ведь сколько раз многие, несомые попутными ветрами, проходили безопасно морские пространства

и терпели крушение у пристани, прямо в гавани!» Вот когда старику пригодится надежда. И имя надежде — Мирьям.

Скольким судьба изменила в старости! Недаром сказал лидийский царь Крез, потерявший на склоне дней великое царство: «Никого я не назову счастливым, пока он не умер». Греки боялись зависти богов. Но наш Бог не завистлив — Он ревнив. Он дает старикам вино и надежду. И вот рассказ об одном старике, что выпивал в день по два *секстария* вина (а это больше литра). В какой-то день не оказалось у него вина. Что же он сделал? Продал балки своего дома и пропил. Продал балки маслодельни и пропил. Сыновья ругали его и говорили: «Этот старик, наш отец, ничего не оставит нам после смерти! Пойдем, напоим его вином, отнесем в склеп и скажем, что умер». Так и сделали. Напоили, отнесли в склеп и сказали, что умер. Проходили мимо торговцы с товарами и прослышали, что в том городе всех заставляют исполнять тяжкую повинность (*ангарию*). Сказали: «Спрячем товар и убежим». Так и сделали. Разгрузили поклажу, спрятали в склепе, где лежал старик, и пошли посмотреть, что творится в городе. Когда старик проснулся, увидел над головой бурдюк с вином. Приложил ко рту, начал пить и петь. Через три дня сказали сыновья: «Не пойти ли нам и не посмотреть ли, что случилось с отцом, жив он или умер?» Пошли. И что же увидели? Отец пьет и поет! И бурдюк у рта его. Сказали: «Даже здесь не оставил его

Тот, Кто его сотворил! Что делать с ним? Возьмем его и установим порядок: каждый день кто-то из нас будет поить его вином». Так в Ваикра раба (12:1).

Этот сюжет нам известен. Иисуса отнесли в склеп, а на третий день пошли посмотреть, что случилось с ним. И сказали, что он воскрес. Уподобили его Ионе, который три дня и три ночи был в чреве большой рыбы. А что до вина и песен старика, то разве это не видение Будущего мира? Ведь там праведники будут веселиться и радоваться. История эта полна символов и намеков. Как полон символов и намеков рассказ о старом плуте, поэте Эвмолпе в «Сатириконе» Петрония. После кораблекрушения Эвмолп добрался до города Кротона со своими друзьями-паразитами. Паразитами они были по образу жизни — так греки называли тех, кто кормился у богатых людей. В Кротоне друзья решили надуть искателей наследства, увивавшихся за богатыми старцами. Они представили Эвмолпа богачом, который случайно остался не при деньгах. И пили и ели за счет простаков, которые давали Эвмолпу в долг в надежде на наследство. Когда же корабль с деньгами и рабами Эвмолпа не прибыл из Африки (а откуда бы ему там взяться?), простаки заподозрили неладное. Тогда Эвмолп объявил завещание: кто хочет получить долю в наследстве богача, должен есть его плоть! Мой коллега Глен Боуэрсок нашел здесь пародию на Евангелия, на слова Иисуса: «Если не будете есть плоти сына челове-

ческого...» Ведь «Новый Завет» на латыни и по-гречески — «Новое Завещание».

Анекдоты беременны страшным смыслом, беременны будущим. И уже не о конце жизни, но о Конце Дней, о конце истории идет речь. Душа издали высматривает, каков он будет, чтобы оказался он благоприятным по милости Того, Кто посылает с небес всяческое окончание. Такое высматривание зовется телеологией. Гегель был мастером телеологии, Маркс и Герцль — каждый в своем ряду. Кто не знает конца истории, тот не может понять прошлое. Куда стремится история, куда катится колесо удачи? К торжеству коммунизма? К либеральной утопии? Для того, кто не знает будущего, прошлое рассыпается вдребезги. Нет ни законов, ни смысла. Только и есть, что ценности, которые можно легко оспорить. И где же это знание, это высматривание? Где предвидения Гегеля, учение Маркса, где светлые пророчества Фрэнсиса Фукуямы? Что предстоит нам в старости?

И потому будем следовать равву Гуне, который сказал со слов Рава, что сказал рабби Меир (и так учили от имени рабби Акивы): «Должен человек всегда повторять: “Все, что делает Милосердный, к добру делает!”» Как-то раз рабби Акива пустился в путь, пришел в один город, поискал гостиницу и не нашел. Сказал: «Все, что делает Милосердный, к добру делает!» Пошел и заночевал в поле. И были у него петух, осел и светильник. Ветер задул светильник. Лиса съела петуха. Лев съел осла. Сказал рабби Акива: «Все, что делает Милосердный, к

добрю делает!» В ту же ночь разбойники захватили жителей города. И тогда сказал рабби Акива: «Разве я не говорил вам: Все, что делает Милосердный, к добру делает!» Кому он это сказал, ученикам своим или несчастным жителям города, мы не знаем. Так в трактате «Брахот» (60б).

А каков был конец рабби Акивы в старости, мы пока умолчим. Об этом конце горестно сказано: «Вот Тора, а вот и награда за нее!» Но и это не конец, ведь есть еще и Будущий мир. И есть еще в старости мужество и надежда, как сказано:

Сохраню ль к судьбе презренье?

Понесу ль навстречу ей

Непреклонность и терпенье

Гордой юности моей?

ВЕНЕЦИАНСКИЙ МАСКАРАД

Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом.

У. Шекспир. Венецианский купец.

Акт III, сцена 1.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Поскольку было все, то было и это. Как-то раз царство зла запретило евреям учить Тору, обрезать сыновей и соблюдать субботу. Тогда Йеуда бен Шамуа с товарищами попросил совета у матроны, в доме которой собирались все знатные римляне. Та сказала: «Встаньте ночью и возопите». Встали ночью и возопили: «О небо! Разве мы не братья ваши, не дети одного отца и одной матери? Чем отличаемся мы от всех языков и народов, чем заслужили наказание?» И запреты были сняты. Так в трактате «Таанит» (18а).

Удивительно! Разве евреи не знают, чем они отличаются от других народов? Разве не гордятся этим отличием? Но приходят к иноплеменникам с воплями: «Мы такие же, как и вы. Мы — от одного отца и одной матери. Мы — ваши братья. За что же вы обижаете нас?» Этой логике их научила матрона, а ее научили стоики, такие, как Эпиктет. Его спросили, как нужно есть, чтобы угодить богам. Он ответил: «Следует есть умеренно и пристойно. Если слуга вместо горячей воды принесет вам воду чуть теплую, или его не окажется на месте, или он не послушается, то следует воздержаться от гнева». — «Но как стерпеть это от раба?» — «Ты сам раб, если не можешь стерпеть от брата своего! Ведь и он — потомок Зевса, рожденный от излияния небесного семени. Ты поставлен выше его в стране — поведешь ли себя как тиран? Забудешь ли, кто ты и кем правишь? Они — родичи твои, братья твои, дети Зевса». — «Но у меня на них купчая грамота, а не у них на меня». — «Это — по законам земли, по законам могилы, по пустым законам мертвых людей. Лучше обратиться к законам богов».

Эпиктет сам бывший раб, он знает, каково быть рабом. От имени рабов он вопиет: «О небо! Разве мы не братья ваши, не дети одного отца и одной матери? Чем отличны мы от вас, чем заслужили наказание?» И евреи вопиют вслед за ним: «Мы — ваши братья, рожденные от единого семени. Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Не обижайте нас, своих братьев». Но если мы — ваши

братья, рожденные от единого семени, почему же мы не разделяем с вами трапезу, не смешиваемся в браке, не празднуем и не печалимся вместе? Почему называем Рим, вашу империю, царством зла? И самое главное: если Бог создал всех, то почему одни — евреи, а другие — язычники?

На этот вопрос многие пытались ответить. Филон отвечал словами Бильама, языческого пророка, который хотел проклясть евреев по просьбе Балака, царя Моавитского, но по внушению Господа благословил их: «Вот народ живет отдельно и между народами не числится. Кто исчислит прах Якова и сочтет пыль Израиля?» (Бемидбар, 23:9-10). Филон истолковал это так: «Живет отдельно и между народами не числится не потому, что страна его отрезана от других стран, но потому, что нравы его не похожи на нравы народов, с которыми он не смешивается <...> Кто исчислил изливание семени, давшее начало их роду? Тела их из семени человеческого образованы, но души их из семени Б-жественного выращены, а потому они близки Богу».

Почти через два столетия после Филона рабби Йеуда Князь учил об отделении Израиля от язычников (Сифра, Ахарей мот, 13). Когда Господь давал евреям Тору, Он знал, что сыны Израиля нарушат закон о запретных браках. И потому запечатал этот закон Своим именем: «“Я — Господь, Бог ваш” (Ваикра, 18:30), знайте, что Я приказал вам». Действительно, евреи преступили заповедь, как сказано: «И услышал Моше, что народ плачет

по семьям своим» (Бемидбар, 11:10). Евреи плакали, не желая расставаться с иноплеменными женами, со своими семьями. И так же пророк Малахи сказал им (2:13): «Вот во второй раз вы покрываете слезами алтарь Господень с плачем и стоном». Сказал им пророк: «Это не в первый раз! Уже плакали вы в дни Моше». Сказали ему евреи: «А разве не Единый сотворил все и не Ему принадлежит всякое дыхание жизни?» (Малахи, 2:15), ведь сотворивший Израиль сотворил и язычников». Сотворивший Израиль сотворил и иноплеменных жен. Ответил пророк Малахи: «А разве Единый не о Божественном семени заботится?» И у Филона мы читаем: «Тела их из семени человеческого образованы, но души их из семени Божественного выращены, а потому они близки Богу».

А вот случай с рабби Акивой. Он отправился в Рим к некоему начальнику, и тот послал ему двух женщин, прекрасных и вымытых, умащенных и украшенных — как невесты под венцом. И всю ночь они заседали на р. Акиву. Одна говорит: «Приласкай меня», и другая говорит: «Приласкай меня». Он же сидел между ними и плевался и не смотрел на них. Бросились они к тому начальнику с жалобой. Сказали: «Лучше нам умереть, чем быть отданными этому человеку!» Послал начальник за рабби Акивой, спросил его: «Почему не поступил ты с этими женщинами, как обычно поступают мужчины? Разве не прекрасны они, разве не такие же люди, как ты? Тот, Кто сотворил тебя, не сотворил ли Он и их?» Ответил рабби Акива:

«А что мне было делать? От них воняло падалью и убоиной и гадами — всем, что они употребляют в пищу» (Авот де-рабби Натан, А, 16:2). О запахе говорит и Шейлок, когда его приглашают в гости к христианину: «Конечно, свинину нюхать!»

По мнению Эпиктета, споры рождаются из неумения применять общие понятия к частным случаям. Ведь в благочестие верят все — и евреи, и сирийцы, и египтяне, и греки, и римляне. Вот только не могут договориться, благочестиво ли есть свинину. А мы скажем, что здесь — диалектика различия и тождества. Все — дети Единого, все происходят от одного отца и одной матери, все заслуживают равного обращения. Но есть еще мужчины и женщины, есть господа и слуги, есть евреи и эллины. Эти различия никому не дано отменить. И разве не прав Шейлок, когда так обращается к христианам?

*У вас немало купленных рабов;
Их, как своих ослов, мулов и псов,
Вы гоните на рабский труд презренный,
Раз вы купили их. Ну что ж, сказать вам:
«Рабам вы дайте волю; пожените
На ваших детях; чем потеть под ношей,
Пусть спят в постелях мягких, как у вас,
Едят все то, что вы»? В ответ услышу:
«Они — мои рабы».*

Не иначе как Шейлок учил слова Эпиктета о рабах: «Они — родичи твои, братья твои, дети Зевса». —

«Но у меня на них купчая грамота, не у них на меня». Почему, в самом деле, венецианцы не женят своих детей на детях своих рабов? Впрочем, один из венецианцев женится на Джессике, дочери Шейлока. Она принесет ему богатство, еврейские деньги. «Моя дочь и мои дукаты!» — воскликнет несчастный отец. Ведь он любит дочь и деньги, совсем как христиане в Венеции. И у христиан он учится искусству мщеника. Плохой, неумелый ученик, наказанный учителями.

Это венецианский маскарад, отрада прекрасного города, который есть образ мира. Это и город чумы, ведь маскарад отвращает чуму. От маскарада Шейлок остерегал свою дочь, но Джессика не послушала его, вышла в костюме пажа — еврейка в облике юноши-христианина. А вот — христианин в маске еврея. А вот — некто в обличье венецианского мавра, с лицом, покрытым сапожной ваксой. Еще некто в черном плаще, в белой маске и с косою смерти в руках. Они неисцелимы: проповедуют милосердие и мстят, говорят о любви и ненавидят. Хотят казаться христианами, евреями или свободными философами, а на самом деле не таковы. И о них сказал Эпиктет: «Зачем ты называешь себя стойком, зачем обманываешь толпу? Зачем лицемерно зовешь себя евреем, будучи эллином?»

К вечеру уйдем подальше от моста Риальто, где Шейлок зарабатывал честный барыш. Заглянем в венецианское водное зеркало, лагуну в резной оправе. Странная пустота неожиданно вырастет у

нас за спиной. Толпы туристов растворятся в воротах кварталов, спрячутся в маленьких гостиницах, рассеются по террасам ночных кафе. На глухой ограде найдем табличку с названием набережной, напоминающим о бедствиях чумы: «Набережная неизлечимых» — *Zattere degli Incurabili*. И увидим на мраморной доске тяжелый еврейский профиль, прочтем на двух языках слова: «Иосиф Бродский, великий русский поэт, лауреат Нобелевской премии, любил и воспел это место». Уже давно было замечено: «В сем христианнейшем из миров поэты — жида!» — «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его?»

ПРОЛОГ

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.*

А. Блок. Пляски смерти

Здесь чего-то не хватает. Двадцать с лишним эссе назад я схватил быка за рога, забыв о прологе, оставив читателя в недоумении. Впрочем, пролог вряд ли многое мог объяснить. У него забавное имя — *про-логос*, преддверие логоса, предисловие. Преддверие логоса нелогично (ведь логоса нет еще). Как узкий коридор, пролог сворачивает, темнит, грозит упереться в тупик и вдруг распахивается в простор парадной залы. Такова и *птихта*, преддверие к Торе. Она начинается с «далекого стиха» (из Писаний или Пророков), идет от ассоциации к ассоциации и вдруг завершается первым стихом недельной главы Пятикнижия. Например, начинается со слов Премудрости из книги Мишлей (а Премудрость — это Тора): «И была я у Него *амон*, и была радостью всякий день, играя перед Ним всечасно». А заканчивается первым стихом Торы: «В начале сотворил Бог небо и землю».

Рабби Ошая Раба истолковал так: «И была я у Него *амон*, и была радостью всякий день, играя перед Ним всечасно» (Мишлей, 8:30). *Амон* — педагог. *Амон* — укутанный. *Амон* — сокрытый. А некоторые говорят: «*Амон* — великая». Почему педагог? Потому что сказано (устаи Моше): «Разве я носил в чреве народ этот, или я родил его, что Ты говоришь мне: неси его в лоне своем, как носит пестун (*омен*) грудного младенца, в землю, которую Ты обещал отцам его?» (Бемидбар, 11:12). Почему укутанный? Потому что сказано: «В багряное покрывало укутанные (*эмумим*)» (Эйха, 4:5). Почему сокрытый? Потому что сказано: «И был он [Мордехай] воспитателем (*омен*) Хадассы, она же — Эстер <...> Не говорила Эстер ни о народе своем, ни о родстве своем, потому что Мордехай сказал ей, чтобы она не говорила» (Эстер, 2:7—10). *Амон* — великая. Как сказано: «Разве ты лучше Но-Амона, лежащего между реками, окруженного водою, которого вал было море и море служило ему стеною?» (Нахум, 3:8). На арамейский язык это переводится так: «Разве ты лучше Александрии Великой, лежащей между реками?» Другое толкование: *амон* — ремесленник (*уман*). Говорит Тора: «Я была орудием ремесла (*уманут*) у Святого, благословен Он. Царь земной, если строит дворец, не сам строит его, но зовет ремесленника, а ремесленник тоже не сам строит, но заглядывает в свитки и волшебные таблички и так узнает, как возвести комнаты, как устроить двери. Так и Святой, благословен

Он, заглядывал в Тору и творил мир». И сказала Тора: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Берешит, 1:1). Начало — это Тора. И об этом сказано: «Господь приобрел меня в начале пути своего» (Мишлей, 8:22).

Рабби Ошай Раба жил в Кесарии Приморской, столице римской провинции Палестина. Он общался с христианскими богословами и знал философские толкования. У Платона в диалоге «Тимей» Бог-творец назван Ремесленником. Ремесленник по-гречески — *демиург*, а по-еврейски — *уман*. Демиург у Платона творит, глядя на недвижимый первообраз, постигаемый разумом. Здесь вопросам нет числа. Допустим, в толковании рабби Ошаи Тора — это чертеж (свитки и вощенные таблички), первообраз, по которому Ремесленник творил мир. Но кто этот Ремесленник? Если он — Бог, то кто же Царь, нанявший его? Ведь, по толкованию рабби Ошаи, царь земной, если строит дворец, строит его не сам и не сам глядит в чертеж, но зовет ремесленника.

Для христиан здесь не было сомнения. Их Евангелие начиналось со слов: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Слово это — Логос. Если Логос был в начале, то начало Торы надо читать так: «В Логосе [посредством Логоса] сотворил Бог небо и землю». А рабби Ошай Раба предлагает читать иначе: «В Торе [посредством Торы] сотворил Бог небо и землю». Ведь о Торе сказано: «Господь приобрел меня в

начале пути своего». Тора была «в начале», а не Логос.

Так и оставались евреи и христиане каждый при своем мнении. Для евреев главным была Тора, а для христиан — Логос. Пока не пришел Жак Деррида и не сказал: «Письмо первично, а устное слово — вторично, и всякий, кто судит иначе, обманывается!» Это вызвало радость научной общественности (особенно еврейской). Алжирский еврей Деррида отомстил христианам за унижения, поставил Тору выше Логоса! Только зря радуется научная общественность. У Деррида все игра, все — перевертыши. Речь — образ письма, письмо — метафора речи. Слова речи, если их запомнить, записаны в душе (так Деррида толкует Платона). Нет конечной и абсолютной истины, нельзя вернуться к простоте, осуществить гегелевское снятие. Нет ни рая позади, ни Будущего мира впереди. У истории нет телоса — цели, конца. Это далеко от Торы.

Что же нам делать с про-логом, если и Логос, и Тора поставлены под сомнение? Вот Александр Сергеевич начал свой роман «без предисловий, сей же час». К концу седьмой главы вдруг опомнился и написал: «Пою приятеля младого / И множество его причуд». И с облегчением вздохнул: «Довольно. С плеч долой обуза! / Я классицизму отдал честь: / Хоть поздно, а вступленье есть».

И я мог бы вздохнуть с облегчением, ведь вступление я если и не написал, то перевел. Боюсь, это

никак не поможет. По-прежнему неясными остаются лейтмотивы моих эссе: бегство рабби Мейра, его мессианство, поэтическая регулярность истории, уходящая в дурную бесконечность и вызывающая тошноту. Вообще отношение истории к поэзии. Мой коллега из Беркли недавно написал в предисловии к своей очередной монографии: «Давно уже, во вступлениях ко многим своим книгам, я тревожился и задавал вопрос: “Как назвать науку, которой я занимаюсь?”» В конце концов он нашел определение: «микроистория идей». Я завидую его ясности.

Наступает момент, когда тусклый свет заливают все. Тема исчерпана, и сказать больше нечего. Тут-то и приходит наука. Она прикрывает иссохшие кости понятий светящимся жиром фактов. Прометей именно так обманул Зевса, подсунув ему скудную жертву — кости, прикрытые жиром. Вместо самодвижения сущностей — недвижные схемы, смысл которых давно утерян. Восток и Запад, формации и цивилизации, человек и общество. Гегель называл это формализмом. «Этот формализм <...> покоится на мнении, будто он постиг в понятии и выразил природу и жизнь того или другого образования, если он высказывал о нем в качестве предиката какое-нибудь определение схемы...» Как избавиться от формализма? Следует побороть «свободу от содержания», «освободиться от собственного вмешательства в имманентный ритм понятий, не вторгаться в него по произволу и с прежде приобретен-

Пролог

ной мудростью». Рабби Йоханан сказал об этом так: «Слова Торы осуществляются в том, кто делает себя как бы несуществующим. Ибо сказано: “А мудрость найдешь в несуществующем” (Иов, 28:12)» (Сота, 21б).

Может быть, так и стоит поступить? И перестать писать эссе. Ведь они все — предисловия, прежде приобретенная мудрость, забота историка о себе. Затянувшийся пролог в антракте.

Эпилог

*Отрекся я от волшебства.
Как все земные существа,
Своим я предоставлен силам.
На этом острове уньлом
Меня оставить и проклясть
Иль взять в Неаполь — ваша власть.*

У. Шекспир. Буря. Эпилог (произносится
актером, играющим Просперо).
Перевод М. Донского

Волшебства никакого нет. Эпилог выходит на сцену, сняв маску, и беседует со зрителями. Иногда рассказывает о дальнейшей судьбе героев. О какой судьбе я могу рассказать? О страшной смерти рабби Акивы? О безмятежной старости Мартина Хайдеггера? О чудесах на могиле рабби Меира? Остается один персонаж, который еще не умер и представляет (по крайней мере, для меня) определенный интерес. Этот персонаж — «историк», «автор», от чьего лица я писал свои эссе.

Волшебство историка есть искусство нахождения целого. Мелкие камушки слов, рассыпанных в документах прошлого, слагаются перед историком в мозаику. Это происходит вдруг и мгновенно («быстрый холод вдохновенья власы подъемлет на челе»). Потом мозаика долго пылится в углу мастерской, пока ей не найдут рамку. Тогда она станет медальоном, овальным украшением стен. Но по мере того как историк стареет, рамка на-

чинает ему мешать. Ведь стремление к целому не имеет границ. Хочется найти секрет позади и вокруг медальонов, за пределами книг и статей. Обнаружить бытие вообще. Такое желание абсурдно. Сама задача историка лежит во времени, а не в вечности. Нужно распознать границы эпох, увидеть различия, ощутить движение от картины к картине. У вечности истории не бывает.

Вечность — искушение Платона, как и «бытие по правде», «истинное бытие», познаваемое в экстазе и в напряжении разума. Если отрезать от «истинного бытия» платоновский миф (о колеснице и о пещере), то искушение не уйдет и не исчезнет. Изменится только топография. В мифе истинное бытие располагалось в надзвездной сфере. Мы унесем его на землю, объявим себя врагами Платона и друзьями жизни — экстаз и напряжение разума приведут нас к тому же недостижимому пределу, к бытию, которого нет. И что же это за бытие, что за существование? Поэзия, отрада Платона и его враг. «Существовать — высшее самолюбие художника. Он не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько усмехается, потому что знает бесконечно более убедительную действительность искусства». Так пишет Осип Мандельштам в статье «Утро акмеизма». Платон вылезает здесь из каждой щели. Например: «Камень как бы возжаждал иного бытия». Или платоническое выворачивание библейского стиха: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое

бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма».

Дальнейшая судьба поэта известна. Смерть по дороге на Колыму в грязи и позоре. Рай бытия оказался по ту сторону от жизни. Между бытием и жизнью есть конфликт, который разрешается с помощью цикуты. Цикуту собирают на склонах Гимета, растирают в терке и дают осужденному выпить. Все это — за счет Афинского государства. Если же осужденный выблюет цикуту на землю и останется жив, родственники должны купить следующую порцию за свой счет. Хорошо, что яд рассосался по телу Сократа. Сократ умер достойно и прилично по приговору афинского народного суда, не обременяя друзей и родственников дополнительными расходами.

Не так умер рабби Акива: ему палач сдирал мясо с костей железными крючьями. К казни этой Реш Лакиш применил слова псалма (Теилим, 139:17): «Как драгоценны для меня мысли Твои и как велико их число!» Реш Лакиш прочел вместо *реехи* («мысли Твои») *реаха* («ближние Твои»): «Как драгоценны для меня ближние Твои и как велико их число!» Праведники близки Богу, и смерть их драгоценна для Бога. Но в будущем драгоценной станет любая смерть. Ведь души, созданные Богом в начале творения, постепенно истребятся и изнасятся. Когда же кончится запас душ, остановится круг рождений и смертей и придет Мессия, Машиах. Об этом сказал рабби Йосе: «Сын Давида не придет, пока не иссякнут

все души, назначенные к рождению. Ведь сказано (Йешаяу, 57:16): «Ибо не вечно Я буду вести тяжбу и гневаться, но обветшают передо Мною дух и души, которые Я сотворил»» (Авода зара, 5а). Платон же считал, что души праведников, достигших высшего знания, не будут более падать в тела. Для праведников время остановится и наступит вечность.

Когда римляне разрушили наш Храм и сожгли наше святилище, не стало возможности приносить жертвы на алтаре, изгонять в пустыню козла отпущения, поить горькой водой *соту* — жену, заподозренную в разврате. Тогда рабби Ишмаэль говорил: «Поскольку искоренили у нас Тору, то приказано миру прийти в запустение, чтобы жен не брать и детей не рождать и чтобы седьмой день перед обрезанием сына не праздновать, пока не иссякнет семя Авраама». Мудрецы же ответили ему: «Лучше пусть нарушают заповеди ненамеренно, чем умышленно».

Когда Храм был разрушен, умножились фарисеи. Они не ели мяса и не пили вина. Спросил у них рабби Йеошуа: «Почему вы не едите мяса?» Ответили ему: «Как же нам есть мясо, если жертва *тамид* не возлагается больше на жертвенник?» «Хорошо, не будем есть мяса, — сказал рабби Йеошуа. — А почему вы не пьете вина?» — «Как же нам пить вино, которое в прежние дни возливалось на жертвенник, а теперь не возливается?» — «Хорошо, не будем пить вина, — сказал рабби Йеошуа. — Но уж тогда и хлеб давайте не есть.

Ведь раньше были хлебные приношения. И воду давайте не пить. Ведь в праздник Суккот вода проливалась на жертвенник. Виноград и смоквы также давайте не есть. Ведь первинки их приносили в Шмини ацерет». Смолчали фарисеи и не знали, что ответить.

И сказал им рабби Йеошуа: «Дети мои, не следует чересчур предаваться скорби, хотя вовсе не скорбеть тоже нельзя. Но так сказали мудрецы: «Если белит человек свой дом, пусть оставит самую малость небеленой в память об Иерусалиме, и если готовит человек пиршество или женщина делает себе украшения, пусть оставят самую малость недоделанной в память об Иерусалиме». Ибо сказано (Теилим, 137:5-6): «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть забудется моя правая рука. Если не буду помнить, пусть язык мой прилипнет к гортани, если не вознесу Иерусалим во главу веселья моего». И все скорбящие о нем в этом мире будут веселиться с ним в мире Грядущем, ибо сказано (Йешаяу, 66:10): “Веселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! Возрадуйтесь с ним радостью, все скорбившие о нем”» (Тосефта, Сота 15:5).

Действие закончено, спектакль продолжается. Эпилог, вышедший было прощаться и уже купивший билет в Неаполь, растерянно поправляет пиджак и начинает читать:

*Да прилипнет в жажде к небу
Мой язык и да отсохнут*

Эпilog

*Руки, если я забуду
Храм твой, Иерусалим!..
Lehzend klebe mir die Zunge
An dem Gaumen, und es welke
Meine rechte Hand, vergäß ich
Jemals dein, Jerusalem.*

Эти эссе публиковались в журнале «Лехаим» с февраля 2009 г. по апрель 2011 г. «Интервью» появилось в том же журнале несколько раньше — в марте 2008 г. Автор выражает искреннюю благодарность редакторам журнала — Елене Калло, Галине Зелениной и Афанасию Мамедову за внимательную и доброжелательную работу.

БИБЛИОГРАФИЯ

В список включены работы, упомянутые или процитированные в этой книге.

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. — СПб.: «Наука», 2006.

Деррида Ж. Диссеминация / Пер. с фр. Д. Ю. Краlechкина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007 (Philosophy).

Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с фр. Г. А. Михалкович. — Мн.: Современный литератор, 1999 (Классическая философская мысль).

Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. Д. Ю. Краlechкина. — М.: М.: Академический Проспект, 2007 (Философские технологии).

Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной, Б. В. Дубина. — М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. — М.: Правда, 1990.

Библиография

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. — М.: Культурная революция, 2005.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. — М.: Академический Проспект, 2008 (Философские технологии).

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. с нем. Н. О. Гучинской, вступ. ст. А. Г. Чернякова. — СПб.: НОУ — «Высшая религиозно-философская школа», СПб., 1997.

Bowersock G. W. Fiction as History: Nero to Julian / Berkeley etc.: University of California Press, 1994.

Boyarin D. Socrates and the Fat Rabbis. — Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Fischel H. A. Rabbinic literature and Greco-Roman Philosophy: A Study of Epicurea and Rhetorica in Early Mishnaic Writing. — Leiden: Brill, 1973.

Стихи Генриха Гейне приведены в переводе В. В. Левика.

НАИМЕНОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ КНИГ

<i>Транслитерация</i>	<i>Традиционное русское название</i>
Берешит	Бытие
Шмот	Исход
Ваикра	Левит
Бемидбар	Числа
Дварим	Второзаконие
Йеошуа	книга Иисуса Навина
Шофтим	книга Судей Израилевых
Шмуэль (I и 2)	1 и 2 Самуила (в СП — 1 и 2 Царств)
Млахим (I и 2)	1 и 2 Царств (в СП — 3 и 4 Царств)
Йешаяу	книга пророка Исаии
Ирмеяу	книга пророка Иеремии
Йехезкель	книга пророка Иезекииля
Ошеа	книга пророка Осии
Йоэль	книга пророка Иоиля
Амос	книга пророка Амоса
Овадья	книга пророка Авдия
Йона	книга пророка Ионы
Миха	книга пророка Михея

Наименование библейских книг

Нахум	книга пророка Наума
Хавакук	книга пророка Аввакума
Цфанья	книга пророка Софонии
Хагай	книга пророка Аггея
Зхарья	книга пророка Захарии
Малахи	книга пророка Малахии
Теилим	Псалмы (в СП — Псалтирь)
Мишлей	Притчи Соломона
Иов	книга Иова
Рут	книга Руфи
Шир а-ширим	Песнь Песней Соломона
Коелет	книга Екклесиаста, или Проповедника
Эйха	Плач Иеремии
Эстер	книга Эсфири
Даниэль	книга пророка Даниила
Эзра	книга Эзры (в СП — 1 Ездры)
Нехемья	книга Нехемии (в СП — Неемии)

ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Аркадий Ковельман

ТАЛМУД, ПЛАТОН И СИЯНИЕ СЛАВЫ

Подписано в печать 08.10.2011. Формат 84x100/32.

Усл.-печ. л. 8,56. Тираж 3500 экз.

Заказ № 2262

Издательство «Текст»

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1

Тел./факс (499) 150-04-82

E-mail: textpubl@yandex.ru; <http://www.textpubl.ru>

Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 312-52-63

Издательство «Книжники»

127055, Москва, ул. Образцова, д. 19, стр. 9.

Тел. (495) 663-21-06; (495) 710-88-03

E-mail: info@knizhniki.ru; lechaim@lechaim.ru

Интернет-магазин: www.knizhniki.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46. Тел. (499) 2655354